

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АРХИВНОЕ АГЕНТСТВО

А АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК

ЗА 2012 ГОД

Основан в 1957 году
академиком М. Н. ТИХОМИРОВЫМ

МОСКВА
УНИВЕРСИТЕТ ДМИТРИЯ ПОЖАРСКОГО
2016

УДК 930
ББК 63(2)
А87

Ответственный редактор
член-корреспондент Российской академии наук
С. М. КАШТАНОВ

Редакционная коллегия:

Ю. В. АНДРЮШАЙТИТЕ, М. П. ИРОШНИКОВ, В. П. КОЗЛОВ,
А. В. МЕЛЬНИКОВ (зам. ответственного редактора), Р. Г. ПИХОЯ,
В. А. ЧЕРНЫХ, С. В. ЧИРКОВ, Е. Н. ШВЕЙКОВСКАЯ

Рецензенты:

доктор исторических наук С. С. ИЛИЗАРОВ
доктор исторических наук М. А. РОБИНСОН

А87 **Археографический ежегодник** / [отв. ред. С. М. Каштанов]; Ин-т славяноведения РАН; Археограф. комис. РАН; Фед. архив. агентство. — М.: Наука, 1957 — .
ISSN 0571-0626.

2012 год. — М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. — 432 с. — ISBN 978-5-91244-191-2 (в пер.).

Издание содержит статьи и материалы по отечественной истории, археографии, архивоведению, источниковедению, дипломатике, генеалогии, историографии от Средневековья до наших дней; об актуальных проблемах археографических изданий исторических источников по истории России XX в., о дипломатических взаимоотношениях России с греческим православным миром в XVI в., об актовых и делопроизводственных источниках XV–XVII вв., об изданиях Московского печатного двора и царских вкладах XVI–XVII вв., о праздновании в 1912 г. 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г., мемуарах и архиве статс-секретаря С. Е. Крыжановского и др. Большое внимание уделено научному и эпистолярному наследию выдающихся отечественных историков (П. И. Бартенева, А. Ф. Малова, П. Н. Милокова, М. Н. Тихомирова), источникам по социально-экономической истории (кабацкие книги XVIII в.). Библиографические и хроникальные материалы представлены перечнями трудов историков, рецензиями на издания о таможенных книгах Великого Устюга середины XVIII в., о старообрядческих гектографированных изданиях, об источниках по старообрядчеству Южной Вятки, заметками о научных конференциях, Тихомировских чтениях, некрологами.

Для научных работников, сотрудников архивов, библиотек и музеев, преподавателей и студентов вузов, краеведов.

УДК 930
ББК 63(2)

ISBN 978-5-91244-191-2
ISSN 0571-0626

- © Институт славяноведения РАН, Археографическая комиссия РАН, Федеральное архивное агентство, 2016
- © Мельников А. В., составление, 2016
- © Российская академия наук и издательство «Наука», продолжающееся издание «Археографический ежегодник» (разработка, оформление), 1957 (год основания), 2016
- © Русский фонд содействия образованию и науке, редакционно-издательское оформление, 2016

I. СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

В. П. Козлов

О НЕОБХОДИМОМ И ДОСТАТОЧНОМ В АРХЕОГРАФИИ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ XX ВЕКА

В современном историографическом процессе постижения истории России в XX в. наряду с собственно историческими исследованиями идет ее источниковое освоение в рамках отдельных и серийных документальных публикаций. И те и другие постепенно проясняют для нас «черные дыры», или «белые пятна», истории XX в., о которых писали еще 20 лет назад. Иногда (особенно в 90-е годы) документальные публикации в освещении каких-то проблем опережали исторические исследования, нередко последние становились локомотивом для их появления.

Современный историографический процесс един в двух своих проявлениях, хотя гармонии между ними и нет. Знакомясь с новыми историческими работами, мы убеждаемся, что их официальная цензура отсутствует. Это открывает простор как получению нового, проверенного, доказанного исторического знания, так и откровенным спекуляциям на прошлом. В целом вполне нормальная в свободном обществе ситуация, если только фантазии авторов не переходят границ общепринятых запретов — научных, законодательных и нравственных.

С подготовкой документальных публикаций по истории XX в. положение несколько иное. Здесь цензура существует в виде документов, находящихся на секретном хранении. Явление объективное, вневременное и интернациональное, в историографической ситуации любой страны оно сохраняет и высокую степень субъективности. Например, жизнь деревни, судьбы крестьянства в годы Великой Отечественной войны трудно изучать без документальных публикаций, основанных на документах служб безопасности и порядка того времени. Они не рассекречены до сих пор. Здесь не место рассуждать о причинах этого, важно констатировать сам факт цензурного ограничения документальных публикаций, вызванный засекречиванием документов.

Тем не менее подавляющее большинство документальных публикаций по истории России в XX в. стали результатом рассекречивания документов официального и неофициального происхождения. Они результат творчества разных составителей и целых коллективов составителей, свободных в выработке моделей документальных публикаций и практической реализации этих моделей.

Какие явления характерны для этого свободного археографического процесса?

Во-первых, археография истории XX в. имеет дело с большими массивами документальных отложений с их различной, преимущественно фондовой организацией. Такие массивы содержат дублирующую, или повторяющуюся, информацию, информацию однотипную, либо, наоборот, нигде не повторяющуюся. Это накладывает существенный отпечаток на принципы выявления, отбора документальных источников, воспроизведения их текстов и комментирования.

Во-вторых, происходит одновременное освоение археографической практикой документальных источников двух классов — класса источников официального происхождения и класса источников неофициального, личного происхождения. Их встреча (либо в конкретной документальной публикации, либо в разных) в рамках совпадающих проблематик превращается в своеобразную «археографическую аннигиляцию» — эдакий взрыв документальных свидетельств о прошлом, открывающий после этого то тропинку, то целую дорогу к пониманию того или иного факта, события, явления, процесса прошлого.

Иначе говоря, XX в. не только создал, но и сохранил огромный, не ожидавшийся по своему объему, документальный комплекс документов личного происхождения, который, кстати говоря, во многом еще принципиально не может быть освоен, поскольку хранится в домашних архивах граждан, а в ряде случаев, уже находясь на государственном хранении, не может быть опубликован в связи с распоряжениями фондообразователей или фондодержателей. Но и то, что уже стало или потенциально может стать публичным достоянием (в том числе по последним двум-четырем десятилетиям), впечатляет¹.

В-третьих, археографическая практика последних лет демонстрирует нам поиски новых форм, методов и приемов обнаружения документальных исторических источников. Мы не рассматриваем публикации в электронной форме, для специального рассмотрения которых пока еще недостаточно эмпирического материала. Зато традиционная практическая археография дала нам несколько образцов «новизны» разрешения археографических задач. Например, оправданные и удачные случаи использования компьютерных технологий в сложных случаях передачи текстов документальных источников, обоснованное объединение именных комментариев и именных указателей, параллельное акцентированное воспроизведение текста фотодокумента и его отдельных выразительных элементов и др.

И вместе с тем наблюдается противоречивая, спорная и просто недопустимая практика подготовки документальных публикаций. Она ярко проявляется в трех важнейших блоках любой документальной публикации: отбор документов, воспроизведение их текстов и комментирование.

Все три проблемных в археографическом смысле блока объединяет одна теоретическая составляющая, имеющая прямое отношение к необходимому и достаточному доказательству любого знания. Под

---

¹ Козлов В. П. Археографическое обозрение России: 1991–2012 годы. М., 2013.

«необходимым» в археографии мы понимаем совокупность общепринятых свойств документальной публикации, обеспечивающих ее бесспорную объективность, т. е. истинность в освещении факта, события, явления, процесса прошлого. Соответственно, под «достаточным» имеется в виду совокупность признаков, обеспечивающих свойство документальной публикации быть истинной.

Необходимое и достаточное в отборе источников для документальной публикации определяется в первую очередь ее типом, а он диктует выбор для нее документальных отложений.

При подготовке пофондовой документальной публикации необходимое и достаточное в отборе для нее источников полностью совпадает с документальными отложениями. Заданная модель определяется только одним — сохранностью документов архивного фонда, никакого отбора не существует.

При подготовке повидовой документальной публикации ее модель также может исключать какой-либо отбор документальных источников: публикуются либо документы одного вида и одного происхождения (например, официальные протоколы какого-то юридического лица или письма физического лица), либо один документ юридического или физического лица (например, отчет, обзор, доклад, дневник, мемуары). И в этом случае никакого отбора не происходит.

Но такое бывает далеко не всегда (прежде всего, когда модель повидовой документальной публикации имеет дело с массовой документацией одного вида). Тогда формулировка критериев их отбора является обязательной. В противном случае публикация является подозрительной по необходимому и достаточному массиву включенных в нее документов. Так, в четвертом завершающем томе публикации «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД»² мы не встретим даже намека на них.

Возникает впечатление о субъективной иллюстративности сборника, о стремлении его составителей не к отбору, а подбору документов. Например, в документах сборника крайне редко встречаются сведения об отрицательном отношении колхозного крестьянства к обязательным натуральным поставкам сельхозпродукции государству. Как это объяснить: выступал ли колхозный крестьянин если не государственным, осознающим необходимость этого, то покорным исполнителем воли власти, или же составители просто не обратили внимания на это явление? Зато протест против обязательных продаж сельхозпродукции по твердым и заниженным государственным ценам был всеобщим и, что особенно важно, коллективным, выражавшимся в соответствующих решениях общих собраний колхозов. Колхозники дружно и твердо считали: все, что остается после обязательных поставок, после создания семенного и страхового фондов, является их законной собственностью, которую они вправе либо распределить по трудодням, либо продать по рыночным ценам. Иначе говоря, в рамках колхозной системы они отстаивали свои очевидные интересы. Документы сборника фактически не отражают этого явления. Или почему

---

² Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939: Документы и материалы: В 4 т. М., 2012. Т. 4: 1935–1939.

так скуден набор документов о деревне в существовавшей в это время огромной Московской области, включавшей по существу в свой состав большую часть Центральной России? Об иллюстративности и объяснении читателям оснований для отбора документов составители публикации отчего-то забыли.

Проблема отбора необходимого и достаточного количества документальных источников особенно остро возникает при реализации тематической модели документальной публикации. Любая модель тематической документальной публикации определяется через три параметра: тема, хронология и география. Два последних — ограничивают документальные отложения, из которых может осуществляться отбор.

В этом случае модель связана с самим отбором документальных источников в соответствии с проблематикой публикации. Их необходимое и достаточное количество, во-первых, должно убедительно свидетельствовать о том, что каждая проблема этой публикации освещена полно и, во-вторых, что каждый новый документальный источник в ее освещении ничего нового не добавляет, а следовательно, может не включаться. Иначе говоря, в данном случае необходимое и достаточное есть не что иное, как обоснованный предел отобранных документальных источников.

Реализация принципа необходимого и достаточного при отборе источников для тематической документальной публикации осуществляется с помощью общепринятых критериев. Ранее мы не раз говорили о том, что в большинстве современных документальных публикаций формулировок таких критериев не имеется, чаще всего они подменяются перечислением их проблематик³. Но перечисление проблематики документальной публикации есть не что иное, как ограничение ее тематической заданности, такое же, как географическое или хронологическое. Никакие критерии в этом случае не обнаруживаются.

В принципе, главный критерий отбора документальных источников в тематическую документальную публикацию понятен — это полнота их информации для раскрытия ее проблематики. Эта полнота связана с раскрытием документальным источником характера и сути факта, события, явления прошлого, динамики их развития, результата и его последствий. В соответствии с ним из публикации исключаются источники с дублирующей и повторяющейся информацией.

Рассмотрим для примера публикацию в претендующей на академизм серии «Россия: XX век» — «Дело Берии»⁴. Последние два слова мы не случайно поставили в кавычки. Название является ложно ориентированным. На самом деле, прочитав книгу, можно с трудом понять, что в публикацию включена какая-то часть документов, которые и составляют не в историческом, а в архивном и археографическом смыслах «дело Берии», остающееся недоступным исследователям до сих пор. Вызывающее отсутствие в публикации элементарного археографического предисловия рождает у читателя

---

³ Козлов В. П. Основы теоретической и прикладной археографии. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 70–78.

⁴ Дело Берия: Приговор обжалованию не подлежит: Документы / сост. В. Н. Хаустов. М., 2012. (Россия: XX век).

хаотическое представление о «деле Берии» в историческом смысле, ходе следствия и суда над ним и его сотрудниками.

Как можно понять, основу сборника составили копии протоколов допросов Л. П. Берии и его бывших сотрудников, поступавших для ознакомления некоторым членам ЦК КПСС, а также ряд документов, направленных в ЦК КПСС по собственной инициативе или подсказке людей, так или иначе имевших с Берией дело на разных этапах его партийной и государственной деятельности.

Конечно, это первостепенные по своей источниковой ценности документы. Они передают драматизм ситуации, связанной с судьбой Берии, предопределенной не результатами следствия, а Указом Президиума Верховного Совета СССР «О преступных антигосударственных действиях Берия» и Постановлением Президиума ЦК КПСС от 29 июня 1953 г. об организации следствия «по делу Берия», в котором его деятельность уже до следствия была названа «враждебной антипартийной и антигосударственной», а самому следствию вменялось действовать «с учетом данных на заседании Президиума ЦК указаний». Публикация, как и ряд предшествующих ей изданий, в очередной раз показывает, что следствие носило заданный характер и судьба Берии сразу же после его ареста была предопределена. В этом он и сам убедился очень скоро, перестав обращаться с жалостливыми письмами к своим бывшим соратникам и заняв твердую позицию отрицания по подавляющему большинству предъявляемых ему обвинений.

Публикация в очередной раз демонстрирует нам, что история реальная, запечатленная в документах, ничуть не уступает художественным произведениям: роману, трагедии, комедии и фарсу. Только в документальных источниках — в отличие от художественного произведения — видим мы не вымышленное случившееся, а реальное произошедшее. И когда понимаешь, что реальность не уступает художественному вымыслу, невольно, с одной стороны, восхищаешься силе художественного вымысла, а с другой — скорбишь над ни в чем не уступающей ему подчас правде, запечатленной в документах.

Опубликованные документы по своему содержанию шире «дела Берии» в его историческом смысле. Мы узнаем из них много новых и важных фактов из истории страны, связанных не только с ее политической историей, но и, например, с созданием атомной бомбы, с уникальными фактами истории архивного дела и т. д. Именно выдающаяся источниковая значимость публикуемых документов, их высокая политическая заданность требовали от составителя тщательной археографической работы, чтобы исключить любой намек на недобросовестность, а через это не скомпрометировать и очевидные исторические вещи, открывающиеся из публикации.

К сожалению, источниковый уровень документов не подтвержден в этой публикации общепринятым уровнем их археографической обработки. В публикации отсутствует археографическое предисловие, что само по себе нонсенс, особенно для серии, претендующей на академизм. В результате мы остаемся в неведении относительно того, по каким критериям производился отбор документов для этой публикации. Читатель был бы

вполне удовлетворен, если бы составитель сообщил ему, что в публикацию включены все документы архива Президента РФ и РГАСПИ, относящиеся к следствию и суду над Берией. Или не все? Или только рассекреченные? Ответов нет, а потому есть сомнения. Такое предисловие важно еще и потому, что публикуются документы, политически ангажированные от начала до конца — дать им хотя бы общую, беглую источниковую оценку было просто необходимо.

Всего один пример важности этого. В принципе публикацию составили два класса документов: документы официального происхождения, созданные ЦК КПСС, Генеральной прокуратурой и т. д., и документы личного происхождения, прежде всего, письма в ЦК разных лиц о Берии. На некоторых из них, как сообщается в публикации, имеются пометы «К делу Берия». Возникает вопрос: приобщались ли такие документы к следственным материалам или они оставались в делопроизводстве ЦК? Ответа на него из публикации мы не находим.

Необходимое и достаточное при воспроизведении текстов документальных источников проходит, во-первых, по линии разумного сохранения важных особенностей текста, имеющих самостоятельное познавательное значение и осторожных его поправок, исключающих текстовую модернизацию и разрушение текста без соответствующих оговорок. В современной археографической практике эти нормы, как правило, соблюдаются, хотя случаи их игнорирования имеются. Во-вторых, в целях доведения до пользователей однотипной информации массовых документов, касающихся важных сторон проблематики документальной публикации, допустима специальная и оговариваемая обработка такой информации и ее предоставление в табличной форме — регесте. Регестирование дает возможность представить пользователям однотипную информацию всех массовых документальных источников в любом разрезе — региональном или хронологическом. В современной археографической практике регестирование как один из способов реализации необходимого и достаточного при воспроизведении текстов документальных источников практически не используется, заменяясь ничем не обоснованным выборочным воспроизведением текстов однотипных массовых документальных источников.

Например, четвертый том документальной публикации «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД». Составители пошли по общеизвестному и общепринятому пути издания массовых источников — полному воспроизведению отобранных ими к изданию документов. В сборнике выборочно помещены целые комплексы таких документов, которые при приложении определенных усилий могли быть трансформированы в регестовую форму передачи их текстов, причем не выборочно, как это сделано, а по всем регионам СССР.

Покажем это на одном примере. В публикацию включены четыре шифротелеграммы УНКВД по Ивановской, Челябинской областям, Кабардино-Балкарской АССР и Западно-Сибирскому краю. Все они датированы 8 июля 1937 г. и представляют собой донесения о подготовке к исполнению приказа НКВД СССР № 00447 об оперативном учете лиц, подлежащих репрессированию. Их воспроизведение в виде регесты табличной формы могло бы выглядеть следующим образом:

Регион	Учетные данные по первой категории, второй категории, уголовникам, кулакам	Другие данные	Автор / дата документа	Примечание
Ивановская обл.	342 1718 491 1569	Нет	Стырнэ / 8.08.37 г.	
Кабардино-Балкарская АССР	360 467 164 663	Создана тройка	Антонов / 8.08.37 г.	
Западно-Сибирский край	10924 15036 11117 14843	Для содержания арестованных подготовлены помещения емкостью 9000 человек	Миронов / 8.08.37 г.	В документе названа меньшая цифра взятых на учет: 25 944 человека и около 6500 «хозяйств, самовольно осевших в Нарыме». Данные не сходятся с общим числом взятых на учет, указанном в документе: 7923 человека.
Челябинская обл.	2522 5401 1686 6267	Нет	Блат / 8.08.37 г.	

Возможно, кто-то возразит, что это дело не археографов, а источниковедов и историков, которые и должны составлять подобные таблицы, поработав в архивах ФСБ. Тогда зачем нужна документальная публикация, носящая всего лишь иллюстративный характер и predeterminedный никак не объяснимыми пристрастиями составителей состав ее документов?

Необходимое и достаточное при комментировании помещенных в публикацию документальных исторических источников означает, что при разработке и реализации ее модели обязательно объясняются абсолютно все их непознанные пробелы, касающиеся упоминаемых лиц, фактов, событий, предметов, не относящихся к основному содержанию источников, вышедшей из современного употребления терминологии, текстов на иностранных языках и др. Каждое такое объяснение, во-первых, должно носить формализованный со стороны составителя характер и по возможности обходиться без цитирования других источников и специальной литературы, имеющих оценочные характеристики. Во-вторых, комментарий должен быть ясным и кратким, без претензий на энциклопедичность, должен раскрывать только суть любых непознанных пробелов источников. Иначе говоря, комментарии должны лишь помогать читателю публикации понять тексты источников, избавить его от любых сторонних интерпретаций и оценок, оставить наедине с источником.

Современная археографическая практика в этом смысле во многих случаях носит вкусовой характер и крайне небрежна: то оставляет без объяснений многие неопознанные пробелы в документальных источниках, то, наоборот, чрезмерно многословна и энциклопедична. Возьмем для примера уже упоминавшуюся публикацию «Дело Берия». Комментарии как обязательная и общепринятая вещь в публикации фактически проигнорированы. Здесь имеются «Примечания», представляющие собой некие исторические эссе к содержанию документов. И то не ко всем документам: на 145 документов такие эссе даны только к 28. Вот одно из них, относящееся к документу, названному в публикации «Запиской В. А. Махнева о деятельности Л. П. Берия в Спецкомитете» от 11 июля 1953 г. Примечание к нему сообщает: «Специальный комитет (в дальнейшем — Специальный комитет № 1 при СМ СССР) был создан решением ГКО 20 августа 1945 г., после взрывов атомных бомб США в Хиросиме и Нагасаки. Деятельность данного органа по созданию советской атомной бомбы контролировал Берия, а В. А. Махнев являлся членом и секретарем Спецкомитета. За активное участие в разработке атомной бомбы ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда, дважды он становился лауреатом Сталинской премии»⁵. Это нужное пояснение к документу, несмотря на то, что из него не совсем ясно, кто стал Героем Социалистического Труда и лауреатом Сталинской премии — Берия или Махнев? В этом же документе имеются, по нашей терминологии, «неопознанные пробелы», требующие обязательного комментирования: «система “К”», «КБ-1», в котором работало 9000 человек, «1-й Главк», «КБ-11», «изделия Р-5», «лаборатория Здродовского», «опасные работы под Москвой», «препарат “Т”», «комбинаты № 817 и № 813» и т. д.

Кто-то скажет, что эти пробелы прокомментировать непросто. Наверное, хотя далеко не всегда. Например, про «изделие Р-5» и «лабораторию Здродовского» уже фильмы сняли. Может, кто-то возразит иначе: специалисты и без комментариев все это знают. Например, зачем комментировать одно из мест документа № 10 (протокол допроса Б. А. Людвигова от 4 июля 1953 г.), в котором имеется фраза: «после издания Указа об амнистии Берия...» Конечно же, можно не комментировать этот важнейший акт послесталинского руководства. Но странно: в этом же издании прокомментированы еще более известные вещи — кто такие Ворошилов, Свердлов, Сталин. Казалось бы, зачем? А потому что такова общепринятая в научном мире археографическая культура. И она требует соблюдения общепринятых археографических правил, среди которых одним из основных является комментирование неопознанных пробелов документов. В рецензируемой публикации практически на каждой странице имеются места, требующие комментариев, но оставленные составителем без внимания.

Необходимое и достаточное проявляют себя и в сигнальной системе документальной публикации. Через нее публикация более эффективно демонстрирует свою коммуникативность. Элементы этой системы напрямую связаны с ее моделью. Например, публикация дневника или воспоминаний человека, много путешествовавшего в жизни и общавшегося со многими

---

⁵ Дело Берия: Приговор обжалованию не подлежит: Документы. С. 662.

людьми, невозможна без географического и именного указателей, а дневник или мемуары рядового человека, прожившего всю жизнь в одном месте, наоборот, приобретет большую коммуникативность при наличии предметного указателя. И при публикации документов официального происхождения подобные указатели необходимы, хотя предметные указатели в современной археографической практике — вещь чрезвычайно редкая. Обычно это указатели отдельных предметов, например, фабрик и заводов, кораблей и воинских частей, колхозов и совхозов и т. д. Таким образом, необходимое и достаточное в сигнальной системе документальной публикации связано, во-первых, с выбором адекватных содержанию публикации всех ее элементов, во-вторых, с недопущением лагун в словниках указателей и, в-третьих, с исключением подмены указателей их суррогатами, вроде «перечней» географических наименований, встречающихся в публикации, без указания на страницы их упоминания. Современная археографическая практика часто допускает разрушение принципа необходимого и достаточного в археографии в части сигнальных систем документальных публикаций.

В качестве примера подобного рода практики рассмотрим публикацию дневника последнего российского императора Николая II⁶. В нашей рецензии на первый том были рассмотрены недостатки ее сигнальной системы⁷. Следы знакомства составителей с этими критическими замечаниями можно заметить в публикации второго тома. Названия элементов поисковой системы публикации, одновременно являющихся частью комментариев по содержанию, даны в соответствии с их сутью — теперь это «не указатели», а «списки» и «перечни» церковных и религиозных терминов, географических названий, мест и сооружений, кораблей, прочитанной императором литературы, посещенных им театральные спектаклей, сокращений слов. Однако роль таких «перечней» и «списков», за исключением списка церковных терминов и определений и списка сокращенных слов, по-прежнему ничтожна, поскольку не содержит отсылок на страницы их употребления в публикации дневника.

Особенно вызывающе на фоне общепринятых норм выглядит новация составителей, связанная с заменой географического указателя «Аннотированным перечнем географических названий, мест и сооружений». Тут читателям предлагаются впечатляющие новеллы о Выборге, Гатчине, Днепре, Киеве, Ливадии, Орше, Финляндии и т. д., но искать их упоминания на 1300 страницах публикации им придется самостоятельно. Странно, почему составители не поступили так же с фамилиями лиц, упоминаемых в дневнике, представив читателям, как и положено, фундаментальный «Аннотированный указатель имен». Впрочем, и с ним не все в порядке. Из 60 фамилий авторов книг, прочитанных Николаем II, в этот указатель включены лишь 23 фамилии (менее половины). Случайная выборочная проверка именного указателя, например, показала, что названные в первой части публикации упоминания г-на Распутина на страницах 551, 554, 562, 574, 578, 582, 584, 586, 588, 593, 601, 611, 617, 618, 643, 778, 791 отсутствуют. Зато на

⁶ Дневники императора Николая II (1894–1918): В 2 т. М., 2011. Т. 1: 1894–1904; М., 2013. Т. 2: 1905–1918: В 2 ч. Ч. 1: 1905–1913; М., 2013. Ч. 2: 1914–1918.

⁷ ОА. 2012. № 5. С. 114–120.

них фигурирует министр морского флота России И. К. Григорович. Вероятно, эту шутку с публикацией сыграл компьютер при автоматизированной подготовке указателя. Он не смог различить «Григория» (именно так Николай II называет Распутина в дневнике) и «Григоровича». Этот пример, сам по себе характеризующий один из недостатков публикации, имеет и более широкий смысл: работу компьютера археограф тоже обязан проверять.

Необъяснимо отсутствие в публикации ряда важных элементов пусть не поисковой, но предметной системы, присутствовавших в первом томе. Особенно обидно, что составители отказались дать хотя бы перечень воинских структур, с которыми так или иначе имел дело Николай II (хотя бы в годы Первой мировой войны). Ведь это четыре самых напряженных года жизни императора и четыре важных года истории Российской армии.

В качестве яркого примера рассмотрим более подробно девятый том серийного издания «Совершенно секретно» — «Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.)»⁸. Этот том изначально задумывался как повидовое издание информационных материалов ОГПУ–НКВД СССР за 1931 г. не в их хронологической последовательности, как в публикации «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД», а в определенной тематической группировке. Таких тем и соответствующих им разделов в публикации выделено семь: 1) «Антисоветские выступления на территории СССР»; 2) «Борьба с бандитизмом в СССР»; 3) «Город. Рабочий класс»; 4) «Деревня. Крестьянство»; 5) «Антисоветские партии, националистические организации и группировки в СССР»; 6) «Красная Армия»; 7) «Социально-политическое и экономическое положение в Дальневосточном крае».

Таким образом, нам представлен срез жизни СССР в 1931 г. фактически по пяти параметрам, поскольку 1-й и 2-й разделы близки и даже почти совпадают друг с другом, а 7-й раздел включает те же темы по одному, самому большому региону СССР — Дальневосточному краю.

И без документов сборника мы знали, что 1931 г. был не лучшим в истории России и СССР после 1917 г. В это время продолжалась ломка нэповской страны, прежде всего — на основе индустриализации, коллективизации, расширения репрессивной политики (особенно в деревне), ликвидации товарно-денежных отношений, укрепления административно-командной системы, агрессивного внедрения коммунистической идеологии. Модернизация страны по сталинским лекалам проходила на фоне пока еще открытой политической борьбы теперь уже не между политическими течениями, а почти исключительно внутри ВКП(б), что придавало ей в глазах народа особый смысл, понуждая искать в разных лидерах партии носителей собственных представлений о жизни страны и своей собственной судьбе. И вместе с этим в реальном жизненном измерении на страну наступал до толе неизвестный в ее истории голод, принявший уже не привычный локальный характер, а охвативший большинство ее регионов.

Разумеется, эти и многие другие процессы документы сборника в полной мере раскрыть не могли. Но в силу специфических задач создававшей

---

⁸ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) М., 2013. Т. 9: 1931.

их структуры (к тому времени уже мощной) по охране безопасности государства и правящей партии, они либо содержат их отголоски, либо детально их демонстрируют. В последнем случае мы прежде всего имеем в виду 1-й и 2-й разделы публикации. Они показывают то, о чем ранее было известно мало: в Закавказье, в Средней Азии и отчасти на Северном Кавказе и в 1931 г. шла настоящая война, объединившая антироссийские и антисоветские силы. Она не была гражданской войной для СССР, но оставалась таковой внутри своих регионов, что и дало возможность советской власти, опираясь на одну из сил в этой войне, победить другую.

Третий раздел публикации показался нам бедным по подбору документов, хотя, может быть, и не случайному, поскольку основной акцент в этих документах сделан на «антисоветской и контрреволюционной деятельности» на промышленных предприятиях страны. Ниже об этом акценте мы напишем в связи с определением достоверности информационных сводок ОГПУ именно в части информации об «антисоветской и контрреволюционной деятельности в СССР». Здесь же отметим, что сводки ОГПУ о городе и рабочем классе намного разнообразнее и деловитее: в них много внимания уделялось организации и охране труда, заработной плате, продовольственному обеспечению, быту, культпросветработе, ходу строительства промышленных предприятий и т. д. Иначе говоря, в таких сводках зафиксирована самая простая жизнь города и рабочих, пусть и с их неизменными политическими оценками.

В этом смысле 4-й раздел в подборе документов более сбалансирован. Но знакомство с ним производит впечатление сплошного сопротивления крестьянства политике советской власти в деревне. Но разве не было докладов Лубянки Сталину о ходе выполнения карательных операций против крестьянства, о реальных просчетах в коллективизации и ее грубом администрировании? Были, и очень многие из них опубликованы в других изданиях, только не в этой публикации. Последнее обстоятельство составители могут назвать в качестве оправдания своей подборки документов и для этого раздела. Но его принять невозможно, ведь читателю в этом разделе обещана документальная новелла о деревне и крестьянстве, а не только о сопротивлении крестьянства политике советской власти, о достоверности которого мы еще поговорим особо.

Но еще большее недоумение, даже оторопь, вызывает 5-й раздел. Среди прочих документов здесь помещена «Справка с докладом руководству по делу “Русского ЦК РСДРП”» от 26 декабря 1930 г., которая содержит более чем серьезные обвинения: ее члены создавали в стране «вредительские организации», противодействующие «хозяйственному строительству» в СССР⁹. В комментарии к этому документу составители указали: «По приговору Специального судебного присутствия Верховного суда СССР от 9 марта 1931 г. все обвиняемые были приговорены к различным срокам тюремного заключения. Часть из них погибла в ссылках и лагерях, очень немногие вернулись. В 1991 г. все осужденные по делу были реабилитированы»¹⁰. Что значит этот комментарий? Он говорит о том,

⁹ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране. С. 432–433.

¹⁰ Там же. С. 807.

что в СССР не существовало «Русского ЦК РСДРП» и что документы, помещенные в этом разделе, являются недостоверными.

Пойдем дальше. В этом же разделе помещена «Докладная записка ОГПУ об окончании следствия по делу “Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России”» от февраля 1931 г. Этот «Союз», возглавлявшийся академиком, историком С. Ф. Платоновым, был монархической организацией, ставившей «своей целью свержение советской власти при помощи вооруженного восстания и иностранной военной интервенции и установление конституционной монархии во главе с бывшим великим князем Андреем Владимировичем»¹¹. В отличие от документов, связанных с «Русским ЦК РСДРП», к этому документу нет комментария даже тогда, когда он был формально необходим к фразе: «Полагаем целесообразным дело “Всенародного союза” рассмотреть на судебном заседании Коллегии ОГПУ»¹². Из публикации следует, что такая организация существовала и что хорошо известные наказания ее членов были справедливы, вопреки специально проведенным исследованиям последних двух десятилетий, показавшим фальсификацию «Всенародного союза борьбы».

Возникает вопрос: какое отношение имеют опубликованные в сборнике документы о «Русском ЦК РСДРП» и «Всенародном союзе борьбы» к теме пятого раздела, если они по своей природе недостоверны? Ровным счетом никакого. Они были бы хороши в публикации под условным названием «Формы, способы и методы фальсификации ОГПУ политических процессов в СССР». Не больше.

На фоне 3–5-го разделов очень содержательным и искренним кажется 6-й, посвященный ситуации в Красной Армии 1931 г. В его документах есть многое из того, чего жаждет историк, изучающий реальную историю нашей армии. Здесь нельзя не отдать должное ОГПУ: оно сигнализирует о многих негативных явлениях в армии (обморожение красноармейцев во время учений, халатность их командиров, бытовая неустроенность, просчеты в боевой подготовке, случавшиеся инциденты, дезертирство, настроения красноармейцев и т. д.).

О том, под каким строгим оком ОГПУ проходила армейская жизнь, свидетельствует опубликованный в этом разделе документ № 8. Помощник командира 119-го полка 40-й дивизии ОКДВА по политической части Кочнев в целях проверки политподготовки бойцов разработал специальный вопросник с альтернативными ответами, из которых его подчиненные должны были выбрать правильный. Среди прочего армейцам предлагалось ответить на вопрос о советской власти. Она: «1. Угнетает граждан СССР. 2. Помогает торговцам и богачам. 3. Защищает интересы рабочих и крестьян. 4. Собирает налоги»¹³. Кочнев был то ли романтиком, то ли социологом, а в тех условиях и провокатором. Но в условиях 1931 г. он немедленно стал «контрреволюционером», судьба которого по документам сборника и из-за отсутствия соответствующего комментария остается неизвестной.

---

¹¹ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране. С. 458.

¹² Там же. С. 460.

¹³ Там же. С. 502.

Публикация сопровождается целым блоком статей, обобщающих информацию документов сборника: А. Н. Сахарова и Г. Н. Севостьянова («Документальная летопись жизни советских людей»), Ж.-П. Депретто («Краткий анализ документов Лубянки о положении в СССР в 1931 г.»), Ю. Л. Дьякова и Л. П. Колодниковой («Рассекреченные документы ОГПУ о “националистических партиях и организациях” в СССР»), Т. С. Бушуевой («Документы Лубянки об особенностях крестьянского движения в СССР в 1931 г.»), В. С. Христофорова («Историко-археографическое предисловие»). Как видим, среди них нет очень важной и необходимой информации о достоверности опубликованных в сборнике документальных источников. Лишь бегло и как-то застенчиво об этом упоминается в статье Ж.-П. Депретто: «Мне представляется, что вопрос надежности этих документов может быть удовлетворительно разрешен только при условии их систематического сравнения с другими источниками»¹⁴. Во всех остальных статьях информационные сводки воспринимаются как объективные свидетельства происшедшего в 1931 г. А. Н. Сахаров, Г. Н. Севостьянов: «Власть хотела знать правду, а правда была очень тяжелой и горькой»¹⁵. В. С. Христофоров: «Борьба с вредительством в промышленности приобрела особый размах, в практику вошли публичные процессы в отношении вредителей на производстве. Вслед за “Шахтинским процессом” на протяжении 1928–1931 гг. органами ОГПУ были раскрыты вредительские организации в ряде отраслей промышленности и на транспорте... В 1930–1931 гг. органами ОГПУ была раскрыта и ликвидирована контрреволюционная шпионско-вредительская организация в нефтяной промышленности СССР»¹⁶. Правда, в статьях В. С. Христофорова, Ю. Л. Дьякова и Л. П. Колодниковой мы встречаем иногда оговорки, типа «якобы» и кавычки: о «вредительстве». Зато в статье Т. С. Бушуевой информационные сводки ОГПУ о положении в деревне воспринимаются как абсолютно достоверные, раскрывающие фантастически организованный крестьянский протест против советской власти. Даже названия разделов этой статьи так или иначе повторяют формулировки информационных сводок ОГПУ: «процесс антисоветской активности в деревне не затихал», «перед ОГПУ встали задачи разгрома и изоляции “деревенской контрреволюции”», «террор (имеется в виду крестьянский. — В. К.) имел ярко выраженный антиколхозный характер», «Контрреволюционные организации и группировки в деревне», «Контрреволюционные организации и группировки ссыльных и беглых кулаков».

Конечно, и в 1931 г., и до и после него деревня сопротивлялась коллективизации и раскулачиванию, хотя после нескольких репрессивных волн, начавшихся в 1924 г., активные и потенциальные участники этого сопротивления были либо высланы, либо осуждены. В 1931 г. в российской деревне царил страх перед властью, страх крестьян за свою личную судьбу и судьбу своих хозяйств. Именно поэтому важно рассмотреть сводки ОГПУ в части существования в деревне «контрреволюционных организаций и группировок».

¹⁴ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране. С. 27.

¹⁵ Там же. С. 22.

¹⁶ Там же. С. 67–68.

Но для начала рассмотрим опубликованный в сборнике документ «Об антисоветской и контрреволюционной деятельности на промышленных предприятиях». В нем мы видим многочисленные конкретные проявления недовольства положением в стране — высказывания разных людей из разных регионов по своей сути похожие друг на друга. Эти данные о настроениях в городе и на предприятиях легко проверяются на достоверность по сохранившимся письмам в редакции газет, журналов, органы советской власти, сводки которых, кстати, поступали в органы ОГПУ. По этой причине сомневаться в достоверности такой информации о высказываниях одиночек нет никаких оснований.

Совсем иначе обстоит дело, когда речь в документе заходит об организованном сопротивлении советской власти в виде «группировок». Во-первых, из 15 таких группировок, названных и охарактеризованных в документе, только в пяти случаях указывается их численность или персональный состав. Во-вторых, только в пяти случаях упоминаются реальные действия таких группировок, в ряде случаев вполне житейские. Охарактеризуем каждый из них. Реальный сговор трех рабочих московского завода «Каучук» бежать в Польшу превратился в «правооппортунистическую контрреволюционную группировку»¹⁷. «Неуплата взносов» члена ВКП(б) рабочего московского завода «Геофизика» Хренова сделала его руководителем соответствующей группировки из двух человек на этом заводе¹⁸. «Троцкистская группа Николаева-Пелевского» в Москве проявила себя при подготовке коллективного договора в ЦАГИ, внося предложения: «а) об усилении снабжения заводской столовой; б) об улучшении работы охраны завода; в) об увеличении заработной платы на 50%»¹⁹. «Троцкистская группа» в Калуге создала кассу взаимопомощи²⁰. И только в одном случае можно с оговорками признать наличие организованного сопротивления у «группы Гинзбурга-Воробьева» (Москва), якобы выпустившей некий бюллетень «Против течения». Кстати, этой группе приписывалось создание на предприятиях Москвы «рабочих троцкистских кружков», ни один из которых не назван.

Во всех остальных случаях рассматриваемый документ в отношении задач и характера деятельности «группировок» ограничивается общими и почти стандартными формулировками: «собираясь на квартире, занимались обсуждением политики партии»²¹, «пытаются восстановить связи и активизировать свою деятельность», обсуждают мероприятия партии «в явно антисоветском духе»²², «ведут беседы на политические темы» и т. д.

Для информации рассматриваемого документа характерны еще две его особенности. Большинство фигурантов «группировок» — это либо бывшие члены ВКП(б), либо состоящие в ней, а также почти непременно бывшие троцкисты или склонные к троцкизму лица. Так готовилась очередная кампания по чистке ВКП(б) и повторным арестам.

¹⁷ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране. С. 343.

¹⁸ Там же. С. 344.

¹⁹ Там же. С. 356.

²⁰ Там же. С. 360.

²¹ Там же. С. 344.

²² Там же. С. 358.

После всего сказанного о разобранном документе мы можем охарактеризовать его как документальный исторический источник с переменной достоверностью информации: часть, касающаяся индивидуальных проявлений недовольства советской властью в городе, достоверна, другая часть, связанная с организованным сопротивлением политике советской власти, носит сознательно вымышленный характер.

Этот же документальный источник затрагивает тему деревни и крестьянства. Он сообщает о массовом явлении, связанном с бегством крестьянства из деревни в города, в том числе под прикрытием «фиктивных документов», получаемых за взятки в советах по месту жительства. Трактует это явление как один из способов «проникновения кулака в среду рабочего класса», источник тем не менее достоверно его фиксирует.

Зато дальше информация структурируется в соответствии с отработанными приемами. Источник называет восемь «активных контрреволюционных группировок» из кулаков и раскулаченных. «Группировка» в Москве вела «систематическую контрреволюционную агитацию среди рабочих»²³; «кулацкая группировка» в Пушкино во главе с раскулаченным Родионовым создала «кулацкую артель», которая «организовала забастовку, предъявив явно рваческие требования»²⁴; группировка «из раскулаченных кулаков и бывших торговцев» во главе с Шаршавиным на строительстве Воскресенского химического комбината, «с целью маскировки своих дезорганизующих действий объявили себя ударниками, однако неоднократно предъявляли администрации рваческие требования об увеличении заработной платы и организовали две забастовки»²⁵ и др., в которых вполне житейские ситуации документ возводит в ранг политического сопротивления власти пробравшихся в ряды рабочего класса кулаков.

Документы раздела «Деревня. Крестьянство» включают все те же информационные сводки, справки, докладные записки. Часть их касается конкретных антисоветских проявлений. Фиксируя факты массовых крестьянских выступлений, случаи физического и имущественного террора, распространения листовок в деревне, документы являются вполне достоверными историческими источниками, пусть и с пристрастной политической оценкой.

И опять совсем иначе воспринимается информация о «контрреволюционных организациях и группировках в деревне». Опубликованная в сборнике обширная «Докладная записка об антисоветской активности в деревне и итогах агентурно-оперативной работы в 1931 г.» называет не менее сорока одной такой организации. В ней сообщалось: «В 1931 г. выявлено и ликвидировано значительное количество крупных по численному составу участников контрреволюционных организаций, охватывавших большую территорию, имевших разветвленную сеть своих ячеек и групп в нескольких селах, районах, а в отдельных случаях — пытавшихся увязать контрреволюционные группы и организации нескольких областей...»²⁶ Однако, в отличие от характеристики городских антисоветских группировок,

²³ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране. С. 363.

²⁴ Там же. С. 364.

²⁵ Там же. С. 364.

²⁶ Там же. С. 416.

деревенские «организации и группировки» поданы в документе несколько иначе: с упором на их количественный состав и структуру, а не только на программные установки. Откуда столь крупные организации в деревне после уже состоявшихся разных форм зачисток? Оказывается, «разнохарактерные антисоветские элементы объединяются на платформе свержения советской власти и установления “народовластия”, не предопределяя характера этого “народовластия”»²⁷. И, что немаловажно: почти все они вели подготовку вооруженных восстаний.

Итак, перед нами не просто стихийно бурлящая деревня, пусть редко, но выбрасывающая протуберанцы бунтов то по поводу закрытия церквей, то в связи с очередным нажимом вступления в колхозы. Это еще и деревня самоорганизующаяся на почве вооруженной борьбы с советской властью, деревня, имеющая свои «штабы», «руководящие тройки», «пятерки», «ячейки», «специально изготовленные знамена», средства печати, деньги на приобретение оружия и т. д.²⁸

Народная мудрость гласит: «Сколько ни говори “халва”, во рту слаще не станет». Эта мудрость рождена мирным ходом жизни. К 1931 г. стране уже 14 лет доносилась идея о «бывших людях», кулаках как врагах советской власти и 10 лет — об «остатках белогвардейщины», желающей реванша. Все они либо уже были ликвидированы, либо выселены, либо отбывали сроки в ссылке и лагерях. Но власти и в 1931 г., и в последующие годы был выгоден жупел опасности, исходящей от них.

Сегодня невозможно подсчитать, сколько граждан СССР в 1931 г. верили в этот жупел, а сколько — нет. Ясно, что были и те, кто понимал, что от повторения слова «халва» им слаще не станет, и те, у кого такое повторение рождало ощущение сладости. Зато сегодня здравый смысл подсказывает: сопротивление политике советской власти в деревне было огромным, но оно по определению уже не могло носить организованного характера. Все эти «контрреволюционные организации и группировки» были придуманы органами ОГПУ на основе реальных фактов крестьянского открытого выступления или точно выявленных проявлений словесного недовольства.

С учетом всего сказанного археографическая сторона рецензируемой публикации не кажется нам бесспорной. Она вызывает несколько вопросов, имеющих прямое отношение к ее источниковой значимости.

Во-первых, в «Историко-археографическом предисловии» ни слова не говорится о критериях включения в публикацию документальных источников, хотя ее составители, разумеется, их использовали. Первый критерий очевиден: публиковались документы, которые ОГПУ регулярно направляло Сталину и его ближайшему окружению. Этот критерий обозначен в самом названии документальной публикации. Хотя из публикации невозможно понять, какие из включенных в нее документов вообще посылались Сталину, расчеты рассылки, указанные в них, говорят о том, что они вращались только внутри руководящего состава ОГПУ. Более того, документы, опубликованные в седьмом разделе, и вовсе не имеют расчета рассылки, направляясь конкретным руководителям ОГПУ. Получается, что

²⁷ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране. С. 417.

²⁸ Там же. С. 421.

составители проигнорировали свой собственный критерий отбора документов (те, которые направлялись Сталину). Тогда понятна переменная достоверность многих из них: в своем корпоративном кругу можно было и пофантазировать на тему «контрреволюционных организаций». Если мы ошибаемся в нашем предположении, тогда заметим, что Сталину направлялись информации, сводки и аналитические записки, не только связанные с «контрреволюционными проявлениями», но и по более широкому кругу вопросов — экономических, организационных, советских, партийных, кадровых и т. д. Ни одного такого документа в публикации мы не встретим. Потому-то основные разделы, связанные с жизнью в 1931 г. города и деревни, эту жизнь раскрывают крайне однобоко, сводя ее в этих социальных страдах только к сопротивлению советской власти. Другие критерии отбора документов для читателей публикации остаются неизвестными. Например, 2-й раздел («Борьба с бандитизмом») составили ежедневные спецсводки Особого отдела ОГПУ за июль–октябрь 1931 г. Опубликованы спецсводки № 44–63, 105–109, 111–115, 117–120, 123. Почему нет остальных? Они не сохранились, или составители по каким-либо причинам не сочли нужным включить их в публикацию? Ответов мы не находим.

Во-вторых, документальной основой рецензируемой публикации остаются фонды Центрального архива ФСБ. Это значит, что в сборнике публикуются отпуски документов (по терминологии составителей — «заверенные копии»), направлявшихся согласно расчетам рассылок. Какова судьба оригиналов, хотя бы тех, которые направлялись руководству ОГПУ согласно расчетам рассылок, мы не знаем, а значит, остаются неизвестными резолюции их адресатов. Куда делись эти оригиналы? Они уничтожены? Их не смогли обнаружить? И на эти вопросы мы не находим ответов. Некоторые документальные системы нового и новейшего времени в отношении отдельных документов и документальных комплексов обладают свойством документального коллапса — запрограммированного и обязательного их возвращения в места создания или их обязательного уничтожения после реализации возложенных на них функций. В первую очередь это правило распространялось на партийную документацию высшего уровня ее происхождения и документацию силовых структур, в частности, разведки и контрразведки. Например, составители документальной публикации «Секреты Гитлера на столе у Сталина» объясняют свойство документального коллапса следующим образом: «В ходе подготовки к публикации документов данного сборника установлено, что их первые экземпляры в соответствующих архивах, как правило, не сохранились... в то время имела место практика, когда присланные в инстанции записки после ознакомления с ними руководителей СССР и ведомств возвращались в НКГБ СССР и в интересах конспирации уничтожались, так как в оперативных отделах контрразведки источники информации были известны»²⁹.

Свойство документального коллапса документальных систем и документальных комплексов — объективное явление, с которым сталкивается

---

²⁹ Секреты Гитлера на столе у Сталина: Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР: Март–июнь 1941 г.: Документы из Центрального архива ФСБ России. М., 1995. С. 221.

археограф при публикации документов нового и новейшего времени. Оно существенно обедняет источниковый потенциал документальной публикации, вынуждая публиковать документы по их отпускам, к счастью, почти в обязательном порядке сохранявшимся в архивах организаций, их создавших.

В-третьих, и по правилам археографии, и по совести, хотелось бы видеть в этой публикации комментарии ко многим местам в текстах документов, в первую очередь к тем, которые сообщают о «контрреволюционных организациях и группировках». Хотя бы по примеру комментария о «Русском ЦК РСДРП», о котором мы говорили выше. Ведь никто не может сделать такие комментарии, кроме составителей сборника, имеющих возможность проследить судьбу этих организаций и их членов. Их отсутствие ставит пользователя публикации в сложное положение, а неподготовленного читателя заставляет поверить в существование этих организаций.

На этом фоне высокой оценки заслуживает имеющийся в публикации именной комментарий с подробными биографическими данными. Его значение выходит за рамки рецензируемой публикации, поскольку приводимые здесь сведения, особенно о работниках госбезопасности, могут быть использованы и в других изданиях.

Чем заключить наш анализ публикации? Вне сомнений, публикация содержит ценнейшую информацию об СССР в 1931 г. В принципе, была выбрана вполне обоснованная модель этой публикации — документальное раскрытие положения страны в 1931 г. по семи важнейшим блокам ее состояния на тот год. Но реализация этой модели оказалась противоречивой: ее позитивно можно принять лишь в отношении первого, второго и седьмого разделов публикации. Остальные разделы лишь частично раскрывают проблематику документальной публикации, находя свое отражение и в недоработках ее археографической составляющей.

Возникает вопрос: почему модель, задуманная и реализованная во многих томах документальной серии «Совершенно секретно...», в 9-м томе оказалась, мягко говоря, уязвимой? Ведь том вышел под грифами ИРИ РАН, ЦА ФСБ РФ, Научного совета РАН «История международных отношений и внешней политики России», Научного совета РАН по истории социальных реформ, движений и революций, Комиссии историков России и Финляндии, АН Финляндии и французского Фонда Дома наук о человеке? Если быть откровенным, объяснение археографической неудачи девятого тома серии скрывается в исключительно корпоративной организации ее подготовки и издания.

В свое время мы писали о том, что в СССР существовало не менее 14 рубежей экспертизы научных трудов, включая документальные публикации даже периода феодализма³⁰. Каждый из этих рубежей носил исключительно идеологический характер, тормозя получение научного знания. Сегодня таких рубежей не существует. Но вместе с обороной «идеологической чистоты» научных трудов разрушилась их экспертиза на научную

---

³⁰ Козлов В. П. Разговор двух историков (Е. Н. Кушева — Б. А. Романов: Переписка 1940–1957 годов) [Рец. на кн.: Екатерина Николаевна Кушева. Борис Александрович Романов. Переписка 1940–1957 годов / предисл., сост., коммент. В. М. Панеяха. СПб., 2010] // НиНИ. 2011. № 1. С. 121–125.

пригодность. Сообщество пользователей рецензируемой документальной публикации, несмотря на солидные грифы своих участников, на самом деле получило продукт корпоративного производства.

Наша статья оказалась критичной в отношении археографической стороны современной публикаторской практики России, связанной с ее историей в XX в. Но мы убеждены, что эта критика не является ни излишне строгой, ни по каким-либо причинам пристрастной. Дело в том, что автор давно привык проникать в прошлое России XX в. преимущественно по документальным публикациям, читая их от начала до конца с карандашом в руках. Главный вывод сводится приблизительно к следующему: прошло то время, когда мы радовались просто каждому новому обнародованному документу по российской истории XX в., подчас не задумываясь о его месте среди других неопубликованных документов, не обращая внимания ни на обстоятельства его публикации, ни на археографический уровень его подачи читателю.

Ныне ситуация совсем иная. Документальные публикации во многих случаях стали результатом своеобразных «производств» информационных продуктов о нашем прошлом. Известно, что не каждое «производство» совпадает с интересами науки или учитывает ее требования, соблюдение которых обеспечивает общепринятый уровень их качества. Поэтому, радуясь очередной документальной публикации по истории России XX в. (а это почти всегда обнародование преимущественно ранее неизвестных или недоступных документальных источников) невольно задумываешься над их качеством по самым разным параметрам. И когда научный уровень параметров не соответствует общепринятым нормам, возникает потребность об этом сказать, чтобы не допустить превращения практической археографии истории России XX в. в производство обычного «информационного продукта», создатели которого предлагают пользователям ограничиться знакомством с документальными источниками по принципу «падения незрелых яблок со старой яблони» или не заботясь о сохранении таких яблок в надлежащих условиях конвоирования и контроля в виде сигнальной системы.

Погоне за индустрией «информационных продуктов» в виде суррогатов или полуфабрикатов документальных публикаций исторических источников должна быть поставлена преграда. Сегодня этой преградой может быть только мнение научной общественности. Ради формирования такого мнения и написана эта статья.

С. М. Каштанов

**ИСТОЧНИКИ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ РОССИЕЙ
И ГРЕЧЕСКИМ ПРАВОСЛАВНЫМ МИРОМ В XVI ВЕКЕ
(Часть 1)**

Развитие связей между Россией и греческим православным миром в XVI в. нашло отражение в целом ряде источников. Летописи (прежде всего, Никоновская) обычно дают краткую информацию о визитах представителей греческого церковного мира. Они фиксируют далеко не все приезды и отъезды иностранцев. Гораздо более подробные сведения об этом содержатся в посольских книгах, которые начали вестись в Русском государстве во второй половине XV в. Наиболее ранняя из сохранившихся «греческих» книг относится к периоду с января 1509 г. по апрель 1571 г. Правда, в ней имеется большая лакуна: нет записей за время, начиная с июня 1519 г. до апреля 1549 г., т. е. за неполных 30 лет. Следующая сохранившаяся книга, посвященная отношениям с греческим православным миром, велась с сентября 1582 г. по март 1588 г., период же с мая 1571 г. по август 1582 г. никакой посольской книгой не представлен. Маловероятно, чтобы в это время связи с зарубежными монастырями и иерархами не фиксировались в особой посольской книге. Скорее всего, такая книга была, но по тем или иным причинам не сохранилась. Третья «греческая» посольская книга охватывает период с июня 1588 г. по февраль 1594 г. Между ней и второй книгой разрыв всего в два месяца (апрель — май 1588 г.). Огромный хронологический разрыв, можно сказать, пропасть, существует между третьей и четвертой книгами, которая начинается записями 1627 г. и кончается записями 1727 г. Пятая посольская книга охватывает всего три года: с 1645 по 1647. Связи Русского государства с греко-славянским православным миром в начале XVII в. отражены в отдельных сохранившихся грамотах и в архивных «греческих делах», не оформленных в виде посольских книг¹. Более или менее подробный пересказ содержания всех «греческих» посольских книг, грамот и «дел» XVI–XVII вв. принадлежит перу А. Н. Муравьева, впервые введшего их в научный оборот в конце 50-х годов XIX в.² В дальнейшем многие исследователи оперировали материалом книги Муравьева, не обращаясь к первоисточникам. Между тем в этой книге, при всей ее ценности, немало ошибок, пропусков материала, неточностей в датировке документов, неясностей в разграничении содержания разных записей и грамот; тексты XVI–XVII вв. излагаются автором

¹ См., например: Акты времени Лжедмитрия I-го (1603–1606 гг.) / под ред. Н. В. Рождественского // Смутное время Московского государства (1604–1613): Материалы, изд. Обществом истории и древностей Российских при Московском университете. М., 1918. Вып. 1. (ЧОИДР. М., 1918. Кн. 1).

² [Муравьев А. Н.] Сношения России с Востоком по делам церковным. СПб., 1858–1860. Ч. I–II.

с поновлением языка и стиля источников, а также с произвольными сокращениями, дополнениями и перестановками.

Необходимость научной публикации «греческих» посольских книг назрела давно, но к ее осуществлению приступили сравнительно недавно. Посольские книги по связям России с Грецией хранятся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА)³. Первая книга была опубликована нами и Л. В. Столяровой в 2004 г.⁴, вторая готовится к печати теми же составителями, третью книгу издали в 1988 г. М. П. Лукичев и Н. М. Рогожин⁵. Четвертая и пятая книги не издавались.

В настоящей работе изучается материал «греческих» посольских книг I–III. С источниковедческой точки зрения его можно подразделить на семь разрядов: 1) записи; 2) копии получаемых и отправляемых грамот; 3) копии «наказов» и «памятей» российским подданным, отправляемым за рубеж, или ответственным за сопровождение иностранцев по России и за границей; 4) копии «росписей» даров («милостины») и кормов, выдаваемых или посылаемых представителям иностранного духовенства и их слугам; 5) копии отчетов и статейных списков российских подданных, вернувшихся из-за рубежа после выполнения правительственного задания; 6) копия помянника (синодика) русских князей и княгинь в кн. I⁶; 7) заголовки, которыми составители книги предваряли копируемый текст грамот, наказов и других документов, вносимых в посольскую книгу.

В записях содержатся уникальные сведения о приездах и отъездах зарубежных иерархов, настоятелей монастырей, монахов и священников, а также купцов из числа греков или турок; сообщается о приеме их царем, митрополитом (с 1589 г. — патриархом), а в кн. III — еще и царским шурином Борисом Федоровичем Годуновым, который имел звания «слуги», коношного, боярина, воеводы и наместника Казанского и Астраханского. Записи передают основную суть царских решений («приговоров») или повелений по тому или иному вопросу и говорят об их исполнении. В них же рассказывается о посещении зарубежными иерархами и монахами русских монастырей, церквей, московских соборов. В записях иногда фиксировалось содержание расспросных речей лиц, приехавших из-за рубежа: о пройденном пути, о ситуации в стране, откуда они прибыли или через которую проезжали (наибольший интерес вызывало положение дел в Польско-Литовском государстве и в Османской империи). В записях можно найти информацию о реликвиях и иконах, привезенных иерархами и монахами в качестве подарков царю, членам его семьи, митрополиту (патриарху). Составители «греческих» посольских книг не забывали указывать состав и размеры царской «милостины», пожалованной представителям зарубежного православного духовенства. Говорилось также о предоставленных

³ РГАДА. Ф. 52 (Сношения России с Грецией). Оп. 1. Кн. 1–5.

⁴ Россия и греческий мир в XVI веке: В 2 т. / отв. ред. С. М. Каштанов; подгот. к пуб. С. М. Каштанов и Л. В. Столярова, при участии Б. Л. Фонкича. М., 2004. Т. 1 (далее — РГМ. Т. 1).

⁵ Посольская книга по связям России с Грецией (православными иерархами и монастырями) 1588–1594 / ред. колл.: В. И. Буганов (отв. ред.), М. П. Лукичев; подгот. текста М. П. Лукичева и Н. М. Рогожина; Предисл. Н. М. Рогожина. М., 1988 (далее — ПКСРГ).

⁶ РГМ. Т. 1. С. 214–221, № 91; ср.: Там же. С. 388–430.

им «кормах», подводах и проводниках. В записях нередко излагается содержание «отписок» царю, получаемых от воевод и дьяков пограничных и близких к западной границе городов (Чернигов, Смоленск, Брянск), с известиями о приезде представителей зарубежной церкви. Например, в одном случае изложено письмо смоленского епископа о проезде через Литву евгрипского митрополита Иоасафа (1561 г.)⁷.

В посольских книгах встречаются тексты «речей», произнесенных некоторыми представителями светской и церковной власти. Так, в кн. III передаются две «речи» царя Федора Ивановича (1588 г.), «речь» патриарха Московского Иова (во всех случаях именуемого Иевом) и ответная «речь» митрополита Тырновского и Болгарского Дионисия (1592 г.)⁸.

Встает вопрос, насколько точно соответствуют эти тексты речам, произнесенным в действительности? Поскольку у нас нет уверенности в точной передаче реальных речей, мы относим данные тексты к записям, а не к особой категории источников, которые можно было бы назвать «стенограммами речей».

Другой тип «речей» — те, которые вставлялись в «памяти» и «наказы» царским посланникам или должностным лицам для произнесения их перед тем или иным иностранным иерархом, государем или его чиновником. Это не реально произнесенные речи, а проекты речей. Их следует считать записями в составе наказов.

В «греческих» посольских книгах I–III содержится значительное число текстов великокняжеских и царских грамот, большинство из которых не дошло в подлинниках: 15 грамот Василия III за 1509–1519 гг., 43 грамоты Ивана IV (из них 35 относятся к 1549–1571 гг., 8 — к 1583 г.), 36 грамот царя Федора Ивановича за 1584–1592 гг.

Адресатами грамот Василия III были проты Св. Горы (5 грамот), афонский Пантелеймонов монастырь (2 грамоты), игумен Синайской Горы (1 грамота), белградский митрополит Феофан (2 грамоты), монахиня, бывшая сербская деспотица Ангелина, вдова сербского деспота Стефана Бранковича (1 грамота), Карл III Токко, носивший титул деспота Артского и Сербского (1 грамота), датский король Кристиан II (2 грамоты). Одна указная грамота Василия III адресовалась местным властям городов от Москвы до Дорогобужа, которым было приказано обеспечить беспопыльный проезд двух старцев белградского митрополита.

Судя по кн. I, Василию III писали константинопольский патриарх Феолипт I (1 грамота, от копии которой сохранился только самый конец), прот Св. Горы Афон Паисий (1 грамота), игумены монастырей Пантелеймонова (2 грамоты), Ватопедского (1 грамота), Синайской Горы (1 грамота), белградский митрополит Феофан (1 грамота), два старца — посланники белградского митрополита (1 грамота — челобитная), сербский деспот Иваниш Берислав (1 грамота), бывшая сербская деспотица монахиня Ангелина (2 грамоты), титульный деспот Артский и Сербский Карл III Токко (1 грамота).

⁷ РГМ. Т. 1. С. 263–264, № 125. В посольской книге написание «евгрипский» встречается повсеместно. Это слово происходит от названия пролива Εβρίτος (Эврип), расположенного между о. Эвбея и восточным побережьем Греции. В русском тексте XVI в. буква «г» вставлена для благозвучия; правильный вариант современного прочтения — «эврипский».

⁸ ПКСРГ. С. 34–38, 91–97.

Как видим, сербский Хиландарский монастырь на Афоне еще не пользовался в это время вниманием русского правительства, но просербская ориентация Василия III определенно проявилась в установлении связей с белградским митрополитом и представителями сербских правящих династий.

Адресатами грамот Ивана IV являлись патриархи константинопольские (6 грамот), александрийские (2 грамоты), антиохийский (1 грамота), иерусалимские (2 грамоты), прот Св. Горы Афон (1 грамота)⁹, афонский Пантелеймонов монастырь (5 грамот), афонский Хиландарский монастырь (4 грамоты), лавра св. Саввы Освященного в Иерусалиме (1 грамота), Киево-Печерский монастырь (1 грамота). В круг адресатов входили также турецкие султаны Сулейман I Кануни (4 грамоты), Селим II (1 грамота), Мурад III (1 грамота), польские короли Сигизмунд II Август (3 грамоты) и Стефан Баторий (1 грамота), валашский (молдавский) воевода Александр IV Богданович Лапушняну (1 грамота), грузинский князь (царь Кахетинский) Леон (Леван) (1 грамота), черкасский князь Темрюк (Темгрюк) Айдарович (1 грамота).

В грамотах иностранным правителям речь, как правило, шла об обеспечении безопасного и беспошлинного проезда по территории того или иного государства греческих иерархов, монахов и священников, а также русских посланников и богомольцев духовного и светского звания. В одной грамоте турецкому султану Сулейману I (1550 г.) Иван IV, выполняя просьбу игумена Хиландарского монастыря Паисия, выступал как ходатай за Пантелеймонов и Хиландарский монастыри и просил султана дать им облегчение от даней и оградить от насилия¹⁰. В двух других грамотах Сулейману I царь сообщал об отпуске из Москвы двух купцов — подданных султана: турка Муслуг-ад-дина, или Мустафы-челибея (1549 г.), и грека Андреяна, или Андрея Халкокандила (1551 г.)¹¹.

Указные (т. е. содержащие указ, приказ) грамоты Ивана IV затрагивали вопросы безопасного и беспошлинного проезда старцев Хиландарского монастыря (1 грамота)¹², вифлиемского митрополита Иоакима и царского посланника Марка Самсонова (2 грамоты)¹³.

Одна указная грамота касалась отпуска из Чернигова в Киев старцев Киево-Печерского монастыря (1583 г.)¹⁴. Из этих грамот три адресовались местным властям, одна — русским послам на границе России и Польско-Литовского государства. Одна указная грамота Ивана IV была направлена в Смоленск архидьякону Геннадию и содержала инструкцию, как ему вести себя в Турции (1558 г.)¹⁵.

⁹ Грамота датируется мартом 1571 г. Имя прота в ней не названо (РГМ. Т. I. С. 299–300, № 147). За 1570–1577 гг. вообще нет сведений о протах св. Горы Афон (См.: *Darrozès A. A. Liste des prôtes de l’Athos // Le Millénaire du Mont Athos 963–1963. Études et Mélanges. Chevetogne, 1963. [Т.] I. P. 443).*

¹⁰ РГМ. Т. I. С. 187, № 67; ср.: Там же. С. 186, № 66.

¹¹ Там же. С. 170–171, 190–191, № 53, 71.

¹² Там же. С. 203–206, № 82; ср.: Там же. С. 361–363, № 10.

¹³ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 2. Л. С. 34–38.

¹⁴ Там же. Л. 44–45; *Капитанов С. М. О взаимоотношениях Киево-Печерского монастыря с правительством Ивана IV в 1583 г. // ИА. 2002. № 4. С. 201–203, док. № 7.*

¹⁵ РГМ. Т. I. С. 252–253, № 118.

Если судить по составу «греческих» посольских книг I и II, корреспондентами Ивана Грозного были патриархи константинопольские (11 грамот), александрийские (3 грамоты), антиохийский (1 грамота), иерусалимские (3 грамоты), митрополит Евгрипский и Кизичский Иоасаф (2 грамоты), прот Св. Горы Афон (1 грамота), монастыри Пантелеймонов (1 грамота), Хиландарский (2 грамоты), Сербский Троицкий Орешковицкий (1 грамота), Киево-Печерский (1 грамота), старец афонской лавры св. Афанасия Феофан (1 грамота), турецкий султан Сулейман I (2 грамоты).

При Иване IV усилились связи с греческими патриархами и установились отношения с Хиландарским монастырем. Власти последнего проявили инициативу, обратившись в 1549/50 г. с челобитной к царю¹⁶. Начиная с 1556 г. этот монастырь пользовался особыми милостями русского правительства и получил исключительную привилегию, которой не обладали в XVI в. другие иностранные монастыри, — право иметь собственный двор в Москве на приезд. Двор Хиландарского монастыря был расположен в районе Никольской улицы в Китай-городе, недалеко от Кремля¹⁷. В дальнейшем в нем останавливались не только хиландарские старцы, но и некоторые другие посланцы греческого православного мира.

Что касается грамот турецкого султана Сулеймана I, то они касались отправки в Москву купцов из Константинополя по государственным надобностям: Муслуг-ад-дина (Мустафы-челибея) для закупки меха соболей (1548 г.) и Андрея (Андреяна) Грека для закупки «портищ», т. е. одежды (1549 г.).

Из 36 грамот царя Федора Ивановича, тексты которых сохранились в кн. II и III, патриархам были направлены 11: константинопольским — 5, александрийским — 2, иерусалимскому (Софронию) — 4. О грамоте, посланной в 1592 г. патриарху Антиохийскому Иоакиму VI, в кн. III только упоминается: сказано, что она «такова ж», как и грамота марта 1592 г. иерусалимскому патриарху Софронию¹⁸. Адресатами других 11 грамот царя Федора Ивановича являлись епископ Синайской Горы Евгений (3 грамоты 1585 г.), прот Св. Горы Афон (1 грамота 1592 г.)¹⁹, монастыри — афонские Хиландарский (2 грамоты) и Пантелеймонов (1 грамота), Саввы Освященного в Иерусалиме (1 грамота), сербские Милешев (1 грамота) и Благовещенский на Папороте (1 грамота), Киево-Печерский (1 грамота).

Вопросам проезда и встречи представителей зарубежного православного духовенства были посвящены 13 грамот царя Федора Ивановича. Из них 10 адресовались светским лицам, 3 — духовным. Одна указная (содержащая указ) грамота предписывала воеводам и боярам городов от Смоленска до Москвы беспошлинно пропускать старцев Хиландарского монастыря, предоставляя им подводы и кормы по дороге (1585 г.). Еще 8 указных грамот были направлены в пограничный Смоленск воеводам в связи с приездом и отъездом иерархов и монахов, в том числе антиохийского патриарха Иоакима VI (1586 г.), константинопольского патриарха Иеремии II (1588–1589 гг.), старцев афонских монастырей (1585, 1586 гг.) и др. Сопровождать патриарха

¹⁶ РГМ. Т. 1. С. 182–186, № 65, 66.

¹⁷ Там же. С. 198–203, № 79–81; ср.: Там же. С. 365–372, № 13.

¹⁸ ПКСРГ. С. 126.

¹⁹ Имя прота не названо (Там же. С. 145–147). Согласно другим источникам, протом в 1591 г. был Филофей, а в 1592 г. Виссарион (см.: *Darrozès A. A. Op. cit. P. 445*).

Иеремию от Можайска до Москвы повелевалось Семену Пушечникову, указанная грамота которому была направлена в Можайск (1588 г.).

В грамотах царя Федора Ивановича смоленскому епископу Сильвестру (1588 г.) и архимандриту Троице-Сергиева монастыря Киприану (1589 г.) говорилось о необходимости встречи и приема патриарха Иеремии II. В грамоте игумену Пафнутьево-Боровского монастыря речь шла о приеме митрополита Тырновского и Болгарского Дионисия (1592 г.).

В книгу II не были включены тексты грамот царя Федора I иностранным монархам (здесь имелась лишь копия грамоты Ивана IV султану Мураду III 1583 г.)²⁰. В книгу III вошел текст одной грамоты царя Федора Ивановича государю другой страны, а именно все тому же Мураду III — о бережении константинопольского патриарха Иеремии (1589 г.)²¹.

С грамотами к царю Федору I обращались патриархи константинопольские Феопит II (2 грамоты 1585–1586 гг.) и Иеремия II (4 грамоты 1588–1590 гг.), александрийский — Сильвестр (1 грамота 1585 г.), антиохийский — Иоаким VI (1 грамота 1586 г.), иерусалимский — Софроний V (1 грамота 1585 г.), митрополит Пилагонский и Перляпский Иеремия (1 грамота 1585 г.), митрополит Тырновский и Болгарский Дионисий (1 грамота 1590–1591 гг.), архиепископ Охридский Гавриил (2 грамоты 1585 г.), архиепископ Сербской и Болгарской земли, имя которого в рукописи утрачено (бумага вырвана)²² (1 грамота 1586 г.), епископ Софийский Григорий (1 грамота 1587 г.), монастыри — афонские Хиландарский (1 грамота 1587 г.), Ватопедский (2 грамоты, 1585 и 1587 гг.), Филофеу (1 грамота 1585 г.) и Пандократор (1 грамота 1585 г.), а также монастырь Св. Дмитрия Селунского (Никольский храм) в Фессалониках (1 грамота 1587 г.), сербские монастыри — Никольский (1 грамота 1587 г.) и Вознесенский Милешев (1 грамота 1587 г.), Киево-Печерский монастырь (1 грамота 1585 г.)²³.

Кроме того, царю Федору Ивановичу писал его пристав при патриархе Иеремии, служивый человек Семен Пушечников (1 грамота 1588 г.) Он сообщал секретные сведения о перипетиях борьбы за патриарший престол в Константинополе — опале Иеремии II и возведении в патриархи Феопита II, дальнейшей отставке последнего и возвращении к власти Иеремии, о политической ситуации в Турции и др.²⁴ Эту информацию Пушечников получил, вероятно, от кого-то из членов свиты патриарха — старцев или слуг.

При Федоре I мы видим значительное расширение круга зарубежных иерархов и монастырей, искавших поддержки русского правительства.

Новым моментом в период царствования Федора Ивановича стало и резкое увеличение роли царицы во внутренних и международных делах. В 1585 г. супруга Федора I, царица Ирина Федоровна, получила послания по крайней мере от двух патриархов — Сильвестра Александрийского²⁵

²⁰ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 2. Л. 26 об.–28.

²¹ ПКСРГ. С. 51–52.

²² РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 2. Л. 182 об.

²³ Грамоту Киево-Печерского монастыря см.: Там же. Л. 88 об.–91 об.; *Капитанов С. М.* О взаимоотношениях Киево-Печерского монастыря с правительством царя Федора Ивановича в 1585 г. // ИА. 2005. № 1. С. 189–193, док. № 2.

²⁴ ПКСРГ. С. 21–23.

²⁵ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 2. Л. 110–112 об.

и Софрония V Иерусалимского²⁶. Да и в грамотах царя Федора Ивановича царица в ряде случаев фигурирует как юридический соавтор документа²⁷, чего раньше с великими княгинями и царицами не случалось. Что касается зарубежных писем, то прецедентов, когда бы греческий патриарх направлял грамоту лично царице, мы не знаем.

Едва ли вполне аналогичным может считаться факт упоминания царицы Анастасии наряду с царем Иваном в адресной части одной из грамот патриарха Иоасафа II 1560 г.²⁸

Правда, в описи архива Посольского приказа 1626 г. указана одна недатированная грамота старцев Хиландарского монастыря царице Анастасии «о милостыни»²⁹. К сожалению, она не сохранилась. Видимо, письмо было адресовано лично Анастасии. Однако о том, чтобы ей лично писал кто-то из патриархов, сведений нет.

Возвращаясь к царице Ирине, надо заметить, что ее политическое значение определялось не только рангом, но и той особой ролью, которую играл при дворе царя Федора Ивановича ее брат, боярин и конюший Б. Ф. Годунов. До него, насколько нам известно, лояльные царские вельможи сами не переписывались с греческими патриархами. Борис Годунов нарушил эту традицию. Впрочем, не исключено, что его предшественником в этом отношении мог быть кн. А. М. Курбский³⁰.

В кн. III сохранились тексты четырех грамот боярина и конюшего Б. Ф. Годунова: из них две — константинопольскому патриарху Иеремии (1589 и 1592 гг.)³¹, одна — иерусалимскому патриарху Софронию (1592 г.)³² и другая — иерусалимскому «великому старцу» Дамаскину³³. Интересно, что боярин и конюший Борис Федорович Годунов давал константинопольскому патриарху Иеремии некоторые поручения разведывательного характера³⁴ и патриарх охотно их выполнял, обещая делать это и в дальнейшем³⁵. Причем если Борис просил его сообщать ответы тайно и не называть имена Бориса и самого патриарха³⁶, то Иеремия писал обо всем открыто³⁷. В кн. III приведены 4 грамоты патриарха Иеремии Борису Годунову — две 1589 г. и две 1590 г.

В составе кн. III дошел текст адресованного Борису Федоровичу послания некоего архимандрита Христофора, отправившегося в Константинополь в свите патриарха Иеремии и писавшего, вероятно, во время остановки

²⁶ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 2. Л. 112 об.–113 об.

²⁷ Об этом см.: *Капитанов С. М.* Дипломатика как специальная историческая дисциплина // ВИ. 1965. № 1. С. 43–44.

²⁸ *Analecta byzantino-russica* / Ed. by W. Regel. Petropoli, 1891. P. 79. № 3 (далее — *Regel W. Analecta*); РГМ. Т. 1. С. 269, № 129.

²⁹ Опись архива Посольского приказа 1626 года / подгот. к печати В. И. Гальцов; под ред. С. О. Шмидта. М., 1977. Ч. 1. С. 72 (далее — *Опись...* 1626 г.).

³⁰ Там же. С. 72, Л. 69 об.

³¹ ПКСРГ. С. 53–55, 135–141.

³² Там же. С. 141–145.

³³ Там же. С. 151–153.

³⁴ Там же. С. 54–55.

³⁵ Там же. С. 59.

³⁶ Там же. С. 55.

³⁷ Там же. С. 59.

в Орше в июне 1589 г.³⁸ Христофор благодарил Бориса за переданный ему поклон и рассыпался в благопожеланиях по отношению к царю, царице и Борису. В заголовке к посланию, сделанном в посольской книге, этот текст не назван переводом, из чего следует, что он и в оригинале мог быть написан по-русски. При упоминании Христофора или просто «архимандрита» в числе сопровождающих патриарха Иеремию лиц посольская книга ни разу не говорит, архимандритом какого монастыря он был. Едва ли его можно отождествить с фигурирующим в той же книге архимандритом иерусалимского монастыря Саввы Освященного Христофором, которому царь Федор Иванович выдал в феврале 1592 г. жалованную грамоту на проезд монастырских старцев в Москву³⁹. Было бы несколько странно, если бы константинопольский патриарх включил в свою свиту подданного другого патриарха — иерусалимского. Нельзя ли видеть в авторе письма Борису бывшего архимандрита Чудова монастыря Христофора (1579–1587 гг.)⁴⁰? Может быть, сразу после прекращения его настоятельства в Чудове монастыре он был послан в Константинополь, а затем приехал вместе с Иеремией в Москву и с ним же отбыл обратно, являясь как бы постоянным русским представителем при константинопольском патриархе.

По-видимому, из той же Орши в июне 1589 г. писал Борису Федоровичу еще один из его протеже, находившийся в свите патриарха Иеремии, — Петр Греченин⁴¹. Он-то уж наверняка был греком, о чем свидетельствуют как его прозвище («Греченин»)⁴², так и тот факт, что в заголовке к его посланию в посольской книге стоит слово «Перевод». Значит, оригинал был написан по-гречески. Подобно письму архимандрита Христофора, письмо Петра Греченина состоит из выражения благодарности, благопожеланий и заверений в верности адресату. В конце письма Петр называет себя «малый раб твой».

Из писем иностранных подданных представителям русской городской администрации в посольскую книгу II был включен текст «листа» оршанского подстаросты Андрея Федоровича Шевердича смоленскому наместнику князю Василию Ивановичу Шуйскому. «Лист» датирован 31 мая 1586 г. В нем говорилось о необходимости организовать встречу едущего из Орши в Смоленск антиохийского патриарха Иоакима VI и немедленно отпустить назад оршанского «посланника», сопровождающего патриарха до рубежа⁴³.

Духовные власти Русского государства представлены в «греческих» посольских книгах несравненно меньшим количеством грамот, чем светские. Практически мы знаем текст только одной грамоты митрополита всея Руси, включенный в посольскую книгу I. Это грамота митрополита Кирилла 1571 г., направленная константинопольскому патриарху Митрофану III. Речь в ней идет о посылке патриарху денег (620 р.) на «великое миро» (благовонное масло) от царя Ивана IV и от самого митрополита⁴⁴. В книге III

³⁸ ПКСРГ. С. 59.

³⁹ Там же. С. 149–151.

⁴⁰ См.: *Строев П. [М.] Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви.* СПб., 1877. Стб. 163.

⁴¹ ПКСРГ. С. 59–60.

⁴² В заголовке — «Гречанин», но в подписи — «Греченин».

⁴³ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 2. Л. 148–149.

⁴⁴ РГМ. Т. 1. С. 293–295, № 144.

помещен текст грамоты патриарха Московского и всея Руси Иова (Иева) константинопольскому патриарху Иеремии II. Грамота датирована мартом 1592 г.⁴⁵ В ней первый русский патриарх формулирует, в частности, свое право быть поминаемым на третьем месте после патриарха Константинопольского (а не на пятом, как постановили до того в Константинополе).

Из грамот греческих патриархов русским митрополитам в посольских книгах XVI в. обнаруживается лишь одна. В книге II содержится текст грамоты александрийского патриарха Сильвестра митрополиту Дионисию (1585 г.)⁴⁶. Она была написана в связи с кончиной Ивана Грозного и восшествием на престол царя Федора Ивановича, о чем патриарх узнал от русского посланника Бориса Петровича Благого (вероятно, в июне 1585 г.)⁴⁷. Сильвестр напоминал Дионисию о его пастырских обязанностях по отношению к царю и епископам и призывал не верить дурным слухам о константинопольской и других церквях. В конце своей грамоты он писал, что посылает Дионисию «стоканъ шефрану да полотенцо утиратца»⁴⁸.

Учреждение патриаршества в России в январе 1589 г. должно было бы привести к увеличению количества писем греческих иерархов, обращенных к Главе Русской Церкви. Однако в посольской книге III они представлены только двумя грамотами, исходившими от лица константинопольского патриарха Иеремии II⁴⁹. Грамоты не имеют даты, но были написаны, видимо, сразу после церковного собора, состоявшегося в Константинополе в мае 1590 г. В этих посланиях Иеремия II призывает Иова принять «со благодарением и тихомирием»⁵⁰ решение поставить московского патриарха на последнее место в иерархии патриархов и помянуть его пятым — после патриарха Иерусалимского. Как мы знаем, Москва вскоре оспорила это постановление (вероятно, по инициативе Бориса Годунова). В грамотах царя Федора Ивановича и патриарха Иова, составленных в марте 1592 г., твердо заявлено о принятии в Москве решения помянуть московского патриарха третьим, после патриарха Александрийского (но до патриархов Антиохийского и Иерусалимского)⁵¹.

В нижеследующих двух частях таблицы I нами делается попытка обобщить сведения о количестве входящих и исходящих грамот, текст которых попал в посольские книги I–III. Мы игнорируем здесь записи и упоминания о грамотах, т. е. тексты, в которых содержание грамоты изложено от третьего лица, а не от лица ее юридического автора. Поэтому многие отписки воевод, например, из Чернигова, и другие документы, пересказанные составителями посольских книг своими словами, в предлагаемых таблицах не учитываются. Все корреспонденты и адресаты разделены нами на две категории — светские лица (часть А) и духовенство (часть Б). Во избежание чрезмерной громоздкости таблицы даты грамот в ней не приводятся.

⁴⁵ ПКСРГ. С. 126–135.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 2. Л. 113а–114а об.

⁴⁷ См. статейный список посольства Б. П. Благого (Там же. Л. 94–100 об., особенно л. 99).

⁴⁸ Там же. Л. 114а об.

⁴⁹ ПКСРГ. С. 76–78.

⁵⁰ Там же. С. 78.

⁵¹ Там же. С. 114–115, 132.

Таблица 1 (части А и Б)

**Корреспонденты и адресаты грамот, включенных
в «греческие» посольские книги № 1–3 полным текстом**

А. Светские лица*

№ п/п	Ранг, титул, должность	Имя или Ф.И.О.	Число грамот	
			От него (нее)	Ему (ей)
1	в. кн. всея Руси	Василий III	15	12
2	ц. и в. кн. всея Руси	Иван IV	43	29
3	ц. и в. кн. всея Руси	Федор I	36	25
4	ц-ца и в. кнг. всея Руси	Ирина	0	2
5	боярин и конюший	Б. Ф. Годунов	4	6
6	смоленский воевода, кн.	В. К. Пронский (и др.)	0	1
7	смоленский воевода, кн.	В. И. Шуйский (и др.)	0	4
8	смоленский воевода	Б. Ю. Сабуров (и др.)	0	1
9	смоленский воевода, кн.	М. П. Катырев-Ростовский (и др.)	0	2
10	черниговский воевода, кн.	И. А. Долгоруков (и др.)	0	1
11	служилый человек, пристав	С. А. Пушечников	1	1
12	турецкий султан	Сулейман I	2	4
13	турецкий султан	Селим II	0	1
14	турецкий султан	Мурад III	0	2
15	датский король	Кристиан II	0	2
16	польский король	Сигизмунд II Август	0	3
17	польский король	Стефан Баторий	0	1
18	оршанский подстароста	А. Ф. Шевердич	1	0
19	валашский (молдавский) воевода	Александр IV Богданович Лапушняну	0	1
20	деспот Сербский и ктомуц	Иваниш (Берислав)	1	0
21	деспот Артский и Сербский	Карл III Токко	1	1
22	черкасский кн.	Темрюк Айдарович	0	1
23	грузинский кн. (ц. Кахетинский)	Левон (Леван)	0	1
24	? (должность не названа)	Петр Греченин	1	0

* В таблице приняты следующие сокращения: в. кн. — великий князь; в. кнг. — великая княгиня; др. — другие (лица); кн. — князь; Ф.И.О. — фамилия, имя, отчество, ц. — царь; ц-ца — царица.

Б. Духовенство*

№ п/п	Ранг, титул лица или географич. определение м-ря	Имя лица или название м-ря	Число грамот	
			От него (нее)	Ему (ей)
1	митр. вся Руси	Кирилл	1	0
2	митр. вся Руси	Дионисий	0	1
3	патр. Моск. и вся Руси	Иов (Иев)	1	2
4	еп. Смоленский и Брянский	Сильвестр	0	1
5	архидьякон новгородского Софийского собора	Геннадий	0	1
6	вблизи Радонежа, в 60 в. от Москвы м-рь	Троице-Сергиев	0	1
7	Боровский м-рь	Пафнутьев	0	1
8	патр. Константинопольский	Феолит I	1	0
9	патр. Константинопольский	Дионисий II	3	1
10	патр. Константинопольский	Иоасаф II	6	3
11	патр. Константинопольский	Митрофан III	0	1
12	патр. Константинопольский	Иеремия II	12	8
13	патр. Константинопольский	Феолит II	2	1
14	патр. Александрийский	Иоаким	2	1
15	патр. Александрийский	Сильвестр	4	2
16	патр. Александрийский	Мелентий (Мелетий Пигас)	0	1
17	патр. Антиохийский	Иоаким IV Джума	1	1
18	патр. Антиохийский	Иоаким VI	1	0
19	патр. Иерусалимский	Герман II	2	2
20	патр. Иерусалимский	Софроний V	3	5
21	митр. Белградский	Феофан	1	2
22	митр. Евгрипский и Кизичский	Иоасаф	2	0
23	митр. Пилагонский и Перляпский	Иеремия	1	0
24	митр. Тырновский и вся Булгарии	Дионисий	1	0
25	архиеп. Августяны Первой и Охриды	Гавриил	2	0
26	архиеп. Сербской земли и Болгарской	? (имя неясно)	1	0
27	еп. Софийский	Григорий	1	0
28	иг. Синайской Горы	Даниил	1	1
29	архиеп. Синайской Горы	Макарий	0	1

№ п/п	Ранг, титул лица или географич. определение м-ря	Имя лица или название м-ря	Число грамот	
			От него (нее)	Ему (ей)
30	архиеп. Синайской Горы	Евгений	0	4
31	прот. Св. Горы Афон	Паисий	1	2
32	прот. Св. Горы Афон	Семион	0	3
33	прот. Св. Горы Афон (и др.)	? (имя не названо)	0	1
34	прот. Св. Горы Афон	Пахомий	1	0
35	прот. Св. Горы Афон	? (имя не названо)	0	1
36	афонский м-рь	Пантелеймонов	3	8
37	афонский м-рь	Хиландарский	3	6 + 2 ук.
38	афонский м-рь	Ватопедский	3	0
39	афонский м-рь	Филофеу	1	0
40	афонский м-рь	Пандократор	1	0
41	фессалоникский м-рь	Св. Дмитрия Селунского (Никольский храм)	1	0
42	сербский м-рь	Троицкий Орешковицкий	1	0
43	сербский м-рь	Благовещенский на Папороте	0	1
44	сербский м-рь	Никольский	1	0
45	сербский м-рь	Вознесенский Милешев	1	1
46	в Иерусалиме м-рь (лавра)	Саввы Освященного	0	2
47	в Киеве м-рь	Киево-Печерский	2	2
48	старица, бывшая деспотица Сербская	Ангелина	2	1
49	старцы белградского митр. Феофана	Анастасий и Иоанникий	1	1 ук.
50	старец афонской лавры Св. Афанасия	Феофан	1	0
51	иерусалимский «великий старец»	Дамаскин	0	1
52	архим. (какого м-ря?)	Христофор	1	0

* В таблице приняты следующие сокращения: архиеп. — архиепископ; архим. — архимандрит; в. — верста; др. — другие (лица); еп. — епископ; иг. — игумен; митр. — митрополит; м-рь — монастырь; патр. — патриарх; Св. — Святой, Святая; ук. — указная грамота (местным властям о проезде тех или иных лиц, выдавалась на руки этим лицам для предъявления ее местным властям при проезде).

Согласно данным таблицы, в «греческих» посольских книгах I–III содержатся тексты 178 исходящих и 174 входящих грамот. Общее число грамот — 352. Из состава исходящих документов светским авторам принадлежат 105, духовным — 73. Наибольшие комплексы исходящих документов светских лиц образуют грамоты русских великих князей и царей (94), духовных — грамоты константинопольских патриархов (24), афонских протов (2) и монастырей (11). Следующие места занимают патриархи александрийские (6 грамот), иерусалимские (5 грамот) и антиохийские (2 грамоты). Сходное соотношение и по входящим документам — русские великие князья и цари получили 68 грамот, константинопольские патриархи — 14, все афонские монастыри — 23 (реально — прот, Пантелеймонов и Хиландарский монастыри), патриархи александрийские — 4, иерусалимские — 5, антиохийские — 1.

Как видим, из патриархов наименьшее количество грамот выдали и получили антиохийские, однако именно антиохийский патриарх Иоаким VI (новоизбранный) был первым греческим патриархом, посетившим Россию в XVI в. Он приехал в Москву 17 июня 1586 г. и уехал из российской столицы 11 августа того же года⁵². Через него начались переговоры об учреждении патриаршества в России.

Из 24 светских участников переписки исходящими документами не представлены 14, входящими — 3. Грамоты не исходили от большинства зарубежных светских государей и русских местных властей. Первые, возможно, не отвечали на грамоты с просьбой о пропуске путников, ехавших из России, вторые писали царю, однако их отписки вкратце пересказывались, но не вносились полным текстом в посольские книги. Из 52 духовных лиц и корпораций исходящими документами не представлены 15, входящими — 18. В книгах отсутствуют русские ответы на грамоты ряда греческих и сербских монастырей, митрополитов, архиепископов и епископов. В то же время в книгах нет писем от нескольких корпораций и лиц, получивших русские грамоты.

Грамоты, написанные на греческом языке, включались в посольские книги в русском переводе, сербские грамоты не переводились. Грамотами, текст которых вошел в «греческие» посольские книги I–III, конечно, не исчерпывается весь состав корреспонденции между русским правительством и православным зарубежьем. Мы уже говорили о лакунах за 1520–1548 и 1572–1581 гг. Но даже за периоды, представленные в рассматриваемых посольских книгах, можно указать отсутствующие в них грамоты.

Прежде всего, надо вспомнить о сохранившихся подлинниках. К сожалению, их очень мало. Некоторые из них были обследованы нами в 1999 г. во время поездки на Афон в сообществе с Б. Л. Фонкичем. В архиве Хиландарского монастыря мы изучали и сверяли тексты подлинных грамот Ивана IV, царя Федора Ивановича и Бориса Годунова. Здесь имеются две пергаменные грамоты Ивана IV — указная 1556 о проезде, со следами от утраченной прикладной овальной восковой печати⁵³, и жалованная

⁵² РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 2. Л. 157 об., 169 об.–170.

⁵³ Архив Хиландарского м-ря. Русские грамоты. № 1; грамота неоднократно издавалась, последние публикации см.: *Kämpfer F.* Die Russischen Urkunden im Archiv des Klosters Hilandar // Хиландарски зборник (Recueil de Chilandar). Београд, 1986. [Т.] 6. S. 279, № 1; РГМ. Т. 1. С. 361–363, № 10.

1571 г. на двор в Москве в двух идентичных по тексту, но несколько различающихся по оформлению экземплярах: один из них с подписью дьяка Андрея Щелкалова⁵⁴, другой — без этой подписи (противень)⁵⁵. К первому экземпляру относится сохранившаяся отдельно от грамоты круглая золотая печать (Д = 37 – 39 мм)⁵⁶; она была привешена на шелковом малиновом шнуре, от которого осталась лишь верхняя часть на нижнем поле листа и куцый хвостик длиной не более 30 мм за пределами листа. Ко второму экземпляру прикреплен шелковый малиновый шнур; он сохранился целиком, с хвостом до 172 мм вне листа, однако золотая печать, упомянутая в тексте, на шнуре отсутствует. Копия грамоты 1556 г. содержится в посольской книге I⁵⁷; копии грамоты 1571 г. на двор в посольской книге нет.

В хиландарском архиве находятся две пергаменные грамоты царя Федора Ивановича: подтвердительная жалованная ноября 1585 г. на двор в Москве и указная декабря 1585 г. о проездах⁵⁸. Первая из них — с круглой золотой печатью на шнуре золотого плетения (Д = 37 мм), вторая — с круглой, частично обломанной красной восковой печатью на красном шелковом шнуре (Д = 42–43 мм). Тексты обеих грамот вошли в посольскую книгу II⁵⁹, но в копии ноябрьской грамоты дата выглядит не так, как в подлиннике: вместо «ноября» там стоит «сентября»⁶⁰. Это, по-видимому, ошибка переписчика: едва ли две одинаковых по тексту грамоты могли быть выданы «в руки» одному и тому же хиландарскому архимандриту Савве и в сентябре, и в ноябре 1585 г. В ноябрьской грамоте число не указано, а в декабрьской грамоте оно есть: «30». Однако странно, что это число написано не буквенной цифрой «Л», а современными «арабскими» цифрами. Безусловно, мы имеем здесь дело с какой-то позднейшей вставкой или правкой, которая заставляет усомниться в достоверности данного элемента даты. Библиотекарь Хиландарского монастыря о. Иосиф, чье внимание я обратил на эту подмену, высказал мысль, что число «30» могло быть написано вместо стертой буквы «Л». Его предположение находит подтверждение при знакомстве с копией декабрьской грамоты 1585 г., включенной в посольскую книгу II в 80-х годах XVI в. В копии XVI в. число дня обозначено буквой «Л»⁶¹. Вероятно, и в подлиннике первоначально было так же⁶².

⁵⁴ Архив Хиландарского м-ря. Русские грамоты. № 2; грамота много раз издавалась, последние публикации см.: *Kämpfer F.* Op. cit. S. 280–282, № 2; РГМ. Т. 1. С. 365–372, № 13.

⁵⁵ Архив Хиландарского м-ря. Русские грамоты. № 3. Об этом экземпляре подробнее см.: РГМ. Т. 1. С. 368–369, № 13.

⁵⁶ Подробное описание печати см.: РГМ. Т. 1. С. 367–368, № 13.

⁵⁷ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 82 об.–84; РГМ. Т. 1. С. 203–206, № 82.

⁵⁸ Архив Хиландарского м-ря. Русские грамоты. № 4. Грамота издавалась, последнюю публикацию см.: *Kämpfer F.* Op. cit. S. 282–283, № 4; Там же. № 5. Грамота издавалась, последнюю публикацию см.: *Kämpfer F.* Op. cit. S. 284–286, № 5.

⁵⁹ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 2. Л. 125 об.–128 об. и 129–130 об.

⁶⁰ Там же. Л. 128 об.

⁶¹ Там же. Л. 130 об.

⁶² Правда, в копии XVII в. написано: «декабря в день», без указания числа дня (РГАДА. Ф. 52. Оп. 1, реестр 2. 1586 г. № 1. Л. 8).

Грамоту царя Бориса Годунова от 8 февраля 1603 г.⁶³ мы сейчас не рассматриваем, поскольку по хронологии она выходит за рамки изучаемого периода.

В Ватопедском монастыре мне была предоставлена возможность скопировать текст и изучить печать жалованной проезжей грамоты царя Федора Ивановича архимандриту Ватопедского монастыря Пахомию сентября 1588 (7097) г.⁶⁴ Грамота написана на пергамене и снабжена круглой красной восковой печатью на шелковом малиновом шнуре (Д = 76,5 мм). Печать треснула посередине и частично обломана по краю⁶⁵. В посольской книге III копии этой грамоты нет⁶⁶.

К моему великому сожалению, в Пантелеймонове монастыре мне побывать не удалось. В. Григорович-Барский, посетивший Пантелеймонов монастырь в ноябре 1744 г., отмечал наличие в монастырском архиве грамоты Ивана IV 7060 (1551/52) г.⁶⁷ Такой грамоты мы не знаем, но не исключено, что речь шла об одной из двух жалованных грамот 7062 (1554) г., внесенных в посольскую книгу I⁶⁸. В этих копиях дата года состоит из двух частей: буквенных цифр, обозначающих число 7060, и слова «второго» (в целом получилось 7062). Возможно, в подлиннике грамоты Ивана Грозного, просмотренной В. Григоровичем-Барским, определение года выглядело так же. Путешественник мог ошибиться, прочитав только первую часть обозначения и не заметив вторую. Во всяком случае, через 100 лет после визита Григоровича-Барского, в середине XIX в., грамоты «7060» или «7062» г. в архиве монастыря уже не было. О ней ничего не говорит архимандрит Порфирий Успенский, обследовавший афонские архивы в 1845–1846 гг.

Архим. Порфирий обнаружил в Пантелеймонове монастыре две другие грамоты XVI в., о которых Григорович-Барский не упоминает. Первая по времени — окружное послание патриарха Иова 1591 (7099) г. ко всем православным россиянам с призывом давать милостынно проезжим монахам Пантелеймонова монастыря. Грамота была написана на бумаге и скреплена вислой красновосковой печатью на красном шнуре. Порфирий указывает

⁶³ Архив Хиландарского м-ря. Русские грамоты. № 6; публ. см.: *Порфирий Успенский. История Афона*. СПб., 1892. Ч. III: Афон монашеский. С. 949–951. № 71; *Kämpfer F.* Op. cit. S. 286–288, № 6.

⁶⁴ Архив Ватопедского монастыря. Русские грамоты. № 1 (старый номер — 115). Сильно уменьшенное фото грамоты 1588 г. см.: *Nihoritis C.* The Slavonic Archive // The Holy and Great Monastery of Vatopaidi: Tradition — History — Art. Mount Athos, 1998. Vol. 2. P. 632. Fig. 591. В сопроводительной надписи грамота по недоразумению приписана царю Михаилу Федоровичу и датирована 1632 г. Фото воспроизведено (с другой надписью): РГМ. Т. 1. Пятая (б/н) стр. вклейки между с. 288 и 289.

⁶⁵ Транскрипцию надписи на печати см.: *Капитанов С. М.* Сибирский компонент в титулатуре московских государей XVI–XVII вв. // *Общественное сознание населения России по отечественным нарративным источникам XVI–XX вв.*: Сб. научн. тр. Новосибирск, 2006. С. 14; *Он же.* Исследования по истории княжеских канцелярий средневековой Руси. М., 2014. С. 258.

⁶⁶ Существует, однако, копия XIX в.: РГАДА. Ф. 52. Оп. 3. № 12.

⁶⁷ Пешеходца Василия Григоровича-Барского-Плаки-Албова, уроженца киевского, монаха антиохийского, путешествие к святым местам, в Европе, Азии и Африке находящимся, предпринятое в 1723 и оконченное в 1747 году, им самим писанное. 3-е изд. СПб., 1793. С. 695.

⁶⁸ РГМ. Т. 1. С. 20, 195–198. № 77, 78.

эту грамоту с датой 6 мая 1591 г.⁶⁹, но в издании 1873 г. ее дата другая: 6 марта 1591 г.⁷⁰ Правильной является дата «6 марта». В подлиннике, снимок с которого был любезно подарен мне в 2011 г. Д. В. Zubовым, написано: «лѣта 7099-г(о), марта в 6 д(е)н(ь)». Вторая грамота — царя Федора Ивановича архимандриту Пантелеймонова монастыря Неофиту от 5 сентября 1591 (7100) г.⁷¹ на беспошлинный проезд монастырских старцев по России. Она написана на пергамене, снабжена красновосковой вислой печатью на красном шнуре⁷². Обе грамоты в посольской книге III отсутствуют.

Кроме упомянутых выше царских грамот, в оригинале дошла еще грамота тверского епископа Нила о дарах, отправляемых им константинопольскому патриарху Пахомию⁷³. Грамота снабжена черновосковой прикладной печатью под бумажной кустодией⁷⁴. Адресуется грамота не самому патриарху, а Василию Андреевичу (несомненно, Коробову, послу Василия III, в Константинополь, 1515 г.). В описи архива Посольского приказа 1626 г. эта грамота упоминается на последнем месте в числе пяти грамот тверского епископа Нила: «5 грамот ссылошные Нила, епископа Иверскаго⁷⁵, Грека: три — Пахомию, патриарху Цареградцкому, да грамота великоцарьского монастыря Ватопеди игумену Мартирию, да к Василию Одреевичю, а хто Василей, того не написано; писано в грамотех меж их о совете, и что послал Нил епископ к патриарху от себя образов и кости рыба зубу, и иные рухледи; писаны по-русски, лета 7023-го году»⁷⁶.

В XVI в. грамоты епископа Нила хранились в 36-м (bis) ящике Царского архива. В описании состава этого ящика о них сказано: «...и списки владыки Тверскаго Нила, что послал был к патриарху во Царьгород»⁷⁷.

⁶⁹ Порфирий Успенский, архим. Указатель актов, хранящихся в обителях Св. Горы Афонской // ЖМНП. СПб., 1847. Ч. 55, № 78. Отд. II. С. 196, док. № 15; такая же датировка у В. Ланглуа, который пользовался сведениями, опубликованными Порфирием Успенским: *Langlois V. Le Mont Athos et ses monastères*. Paris, 1867. P. 82–83.

⁷⁰ Грамота опубликована: Акты русского на Святом Афоне монастыря св. великомученика и целителя Пантелеимона. Киев, 1873. С. 415–417, № 62 (далее — АРСАМП).

⁷¹ Порфирий ошибочно датирует документ сентябрем 1592 г. (см.: *Порфирий Успенский*. История Афона. Ч. III. С. 359. Рейвен упоминает какую-то грамоту царя Федора Пантелеймонову монастырю под 1591 г. без указания месяца. см.: *Ruijven D. A., van. Le «Rossikon» ou monastère russe de St-Pantéléimon au Mont Athos // Irénikon*. 1957. T. 30. P. 45).

⁷² Грамота опубликована: Собрание сочинений и писем святогорца к друзьям своим о Св. Горе Афонской, Палестине и русских святых местах. Новое издание в четырех томах. СПб., 1865. Т. II. С. 111–113, № 1; АРСАМП. С. 418–420. № 63.

⁷³ РГАДА. Ф. 135 (Гос. древлехранилище хартий и рукописей). Приложение, рубр. III. № 16. Л. 1. Публ.: Продолжение ДРВ. СПб., 1790. Ч. VI. С. 1–4, № 178; *Лихачев Н. П.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Ч. I. С. XXX–XXXII; см. также: *Брюсова В. Г.* Тверской епископ Грек Нил и его послание князю Георгию Ивановичу // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. XXVIII. С. 181–182; *Зимин А. А.* Государственный архив России XVI столетия: Опыт реконструкции. М., 1978. [Ч.] I. С. 193–194. № 12.

⁷⁴ *Шумилов В. Н.* Государственное древлехранилище хартий и рукописей: Опись документальных материалов фонда № 135. М., 1971. С. 95, № 189. Документ отнесен к 1533–1543 гг., что является очевидной ошибкой (еп. Нил умер в 1521 г.).

⁷⁵ Так, по ошибке, в рукописи вместо «Тверскаго».

⁷⁶ Опись... 1626 г. С. 70–71. Л. 66 об.

⁷⁷ *Зимин А. А.* Государственный архив... [Ч.] I. С. 48. Л. 248.

Ни число грамот Нила, ни их даты в описи XVI в. не указаны. В описи 1626 г. дата «7023» (1514/15 г) отнесена как будто ко всем пяти грамотам епископа Нила («писаны...»), но, возможно, она содержалась только в одной из них. Достоверность этой даты как таковой сомнений не вызывает. Нил Грек был поставлен в епископы тверские 24 августа 1509 г.⁷⁸, а умер весной 1521 г. (30 марта, согласно Владимирскому летописцу⁷⁹, или 3 апреля, по Строеву⁸⁰). Пахомий I занимал патриарший престол в Константинополе с 1503 по 1514 г. с перерывами⁸¹. 15 марта 1515 г. Василий III отпустил в Константинополь турецкого посла князя Кемала и вместе с ним отправил послом к султану Селиму I «своего человека ближняго Василья Андреева сына Коробова»⁸². Это, очевидно, и был тот Василий Андреевич, которому писал тверской епископ Нил.

Наличие в Царском архиве (а затем в архиве Посольского приказа) подлинника грамоты Нила В. А. Коробову говорит о том, что посол не взял ее с собой в Константинополь, а оставил в Москве. Такая же участь постигла, очевидно, и четыре другие «ссылочные» грамоты Нила, ибо все они упоминаются в описи 1626 г. как находящиеся в московском архиве. Встает вопрос, какие цели преследовало написание этих грамот и почему они не были отправлены по назначению? Предполагаем, что первоначально правительство Василия III намеревалось использовать грека Нила как посредника в переговорах с патриархом и Афоном о присылке в Москву книжного переводчика Саввы из Ватопедского монастыря. Характерен состав адресатов посланий Нила: патриарх Пахомий, Ватопедский монастырь и В. А. Коробов, назначенный (но еще не отправленный) послом в Константинополь.

Желание Василия III заполучить переводчика Савву нам известно из его грамот 1515–1516 гг. Оно ясно сформулировано в грамоте великого князя проту Св. Горы Симеону, датированной 15 марта 1515 г.⁸³. Ее должны были вручить проту спутники В. А. Коробова — Василий Копыл Спячий и Иван Варавин, которым поручалось доставить старца Савву в Москву. Почему Василий III решил отказаться от посредничества Нила и стал действовать напрямую, лично обратившись к проту Св. Горы? Возможно, на это повлияла смена лиц на патриаршем престоле в 1514 г.: вместо Пахомия I патриархом стал конкурировавший с ним Феодит I, и письма Нила, адресованные Пахомию, потеряли смысл.

Во всяком случае, следует отвергнуть бытовавшие в литературе гипотезы о том, что епископ Нил ездил в Царьград к патриарху или занимался идейной подготовкой (в 1521 г.!) бракоразводного процесса Василия III с Соломонией Сабуровой⁸⁴. Источником заблуждений послужила ошибка

⁷⁸ ПСРЛ. СПб., 1853. Т. VI. С. 250; Там же. СПб., 1859. Т. VIII. С. 251; Там же. СПб., 1904. Т. XIII, первая половина. С. 12.

⁷⁹ ПСРЛ. М., 1965. Т. 30. С. 145.

⁸⁰ Строев П. [М.] Списки иерархов... Стб. [442]. № 14.

⁸¹ Сергий (Спасский), архиеп. Полный месяцеслов Востока. М., 1997. Т. III (репринт). С. 683.

⁸² ПСРЛ. СПб., 1904. Т. XIII, первая половина. С. 24.

⁸³ РГМ. Т. 1. С. 157. № 39.

⁸⁴ См. критику этой точки зрения: Зимин А. А. Россия на пороге Нового времени. М., 1972. С. 293–294; Он же. Государственный архив... [Ч.] I. С. 48, 193–194.

в передаче текста описи Царского архива в изданиях, где после слова «Нила» напечатано: «что послан был к патриарху во Царьгород». А. А. Зимин показал, что надо читать не «послан», а «послал», т. е. объектом действия были «списки», субъектом же действия — Нил: «списки..., что послал был». Интересно употребление в данном случае формы плюсквамперфекта: «послал был». Эта форма уже в XVI в. могла иметь значение прерванного прошедшего — послал было: собирался послать (но не послал).

Почему из пяти грамот епископа Нила, упомянутых в описи 1626 г., сохранилась только одна, адресованная В. А. Коробову, сказать трудно. Может быть, лишь она одна и была написана по-русски? Четыре его не сохранившиеся грамоты будут указаны нами в обзоре грамот, известных только по упоминаниям.

Сохранившиеся оригиналы грамот XVI в., посланных представителями греко-славянского православного мира в Москву, немногочисленны. Три из них — на славянском языке. Они были доставлены в Москву афонскими монахами, приехавшими сюда со своими челобитными. Все эти грамоты оказались в Москве в 1558 г. Одну привез игумен Ксенофа Моисей. Ксенофонов монастырь просил у Ивана IV милостыню для погашения «великих долгов»⁸⁵. Две грамоты привез архимандрит Хиландарского монастыря Прохор. Одна из них адресовалась царю Ивану IV⁸⁶, другая — его брату, удельному князю Юрию (Георгию) Васильевичу Угличскому⁸⁷. В грамоте Ивану IV подтверждалось получение царских даров (посланных в 1557 г.)⁸⁸, и формулировались различные новые просьбы, в том числе весьма необычные. В грамоте князю Юрию Васильевичу также подтверждалось получение вклада и содержалась просьба о новой милостыни на реконструкцию обветшавшей древней стрельницы с церковью св. Георгия на ней. На обороте грамоты, адресованной царю, есть сделанная в Москве помета, говорящая о подаче челобитной архимандритом Прохором 6 августа 7066 (1558) г.⁸⁹ В помете на грамоте Юрию даты нет, но, скорее всего, грамота была подана одновременно с челобитной царю.

Приезд архимандрита Прохора в посольской книге I не отмечен. Грамота о пожаловании ему 300 руб. датируется маем 1559 г.⁹⁰ Вероятно, он уехал из Москвы либо в мае 1559 г., либо немного позже. Если Прохор подал челобитную 6 августа 1558 г., значит, он приехал в Москву в начале августа или чуть раньше. Следовательно, можно думать, что хиландарские грамоты были написаны в 1557 — первой половине 1558 г.

⁸⁵ РГАДА. Ф. 52. Оп. 4. № 1. Упоминание о грамоте см.: РГМ. Т. 1. С. 25.

⁸⁶ РГАДА. Ф. 52. Оп. 4. № 2. Издана: *Димитријевић С. М.* Документи који се тичу односа између српске цркве и Русије у XVI. веку // Српска Краљевска Академија: Споменик. Београд, 1903. [Т.] 39. Други разред 35. С. 27–31, № 21; ср. издание по неисправной копии: Стари Српски хрисовуљи, акти, биографије, летописи, типиси, поменици, записи и др. / прибрао их Љуб. Стојановић. Београд, 1890. С. 47. Упомянута: РГМ. Т. 1. С. 26, примеч. 100.

⁸⁷ РГАДА. Ф. 52. Оп. 4. № 3. Издана: *Димитријевић С. М.* Документи... С. 31–32, № 22. Упомянута: Опись... 1626 г. С. 72. Л. 70.

⁸⁸ См.: РГМ. Т. 1. С. 224–226. № 97, 98.

⁸⁹ *Димитријевић С. М.* Документи... С. 31. № 21.

⁹⁰ РГМ. Т. 1. С. 253–254. № 119.

Все три афонских грамоты в посольской книге I отсутствуют, а о приезде или отъезде ксенофонтского игумена Моисея в ней вообще не упоминается.

Греческих грамот XVI в., касающихся сношений с Россией, в оригинале дошло 7: четыре грамоты константинопольского патриарха Иоасафа II Ивану Грозному (одна 1557 г.⁹¹ и три 1560 г.⁹²), две соборных грамоты константинопольского патриарха Иеремии II царю Федору I Ивановичу (1590⁹³ и 1593 гг.⁹⁴) и одно послание ему же от антиохийского патриарха Иоакима VI (1594 г.)⁹⁵.

Из грамот патриарха Иоасафа II, адресованных Ивану IV и полученных им, в посольскую книгу не была включена грамота декабря 1560 г., в которой содержалась попытка реабилитировать египетского митрополита Иоасафа и дезавуировать царских посланцев 1557 г.: архимандрита Феодорита и купца Матюшку Волкова, обвинявших митрополита Иоасафа в удержании у себя части милостыни, посланной патриарху, и, кроме того, высказывавших сомнения в подлинности доставленных из Константинополя реликвий⁹⁶. Перевода этой грамоты на русский язык мы не знаем. Может быть, он был сделан, но затем его уничтожили.

В. Э. Регель считал, что обличать митрополита Иоасафа в нечестности архимандрит Феодорит стал лишь после своего возвращения в Москву в конце 1557 г.⁹⁷ Мы же полагаем, что в Москве Феодорит позволил себе высказать сомнения в подлинности привезенных митрополитом из Константинополя реликвий, а обвинять его в незаконном присвоении денег он начал еще в Константинополе, чем и добился возвращения патриарху удержанных митрополитом 400 руб⁹⁸. Вообще о корыстолюбии митрополита Иоасафа свидетельствуют не только обличения со стороны Феодорита, но и поведение прелата в Грузии в 60-х гг. XVI в., когда он объявил

⁹¹ РГАДА. Ф. 52. Оп. 2. № 1. Публ.: *Regel W. Analecta*. P. 72–75, № 1. Уп.: *Фонкич Б. Л.* Греческо-русские связи середины XVI — начала XVIII в.: Греческие документы московских хранилищ: Каталог выставки. М., 1991. С. 8, № 1 (далее — *Фонкич Б. Л.* Каталог).

⁹² НИОР РГБ. Ф. 181. № 175; РГАДА. Ф. 52. Оп. 2. № 3, 4. Публ.: *Regel W. Analecta*. P. 75–85. № 2–4. Tabl. I–II; РГМ. Т. I. С. 382–386. Уп.: *Фонкич Б. Л.* Каталог. С. 9–10, № 2, 3.

⁹³ РГАДА. Ф. 52. Оп. 2. № 5. Публ.: *Regel W. Analecta*. P. 85–91, № 5. Tabl. III–IV. Уп.: *Фонкич Б. Л.* Каталог. С. 10, № 4.

⁹⁴ ОР ГИМ. Греч. 339 (= Синод. греч. 198); см.: *Фонкич Б. Л.* Акт Константинопольского собора 1593 г. об основании Московского патриархата // *Cyrrilomethodianum*. 1987. [Т.] XI. P. 9–31; *Он же*. Греческие рукописи и документы в России в XIV — начале XVIII в. М., 2003. С. 385–399; *Он же*. Каталог. С. 10–11, № 5; ср.: *Regel W. Analecta*. P. CIV.

⁹⁵ РГАДА. Ф. 52. Оп. 2. № 6. Публ.: *Regel W. Analecta*. P. 116–119, № 7. Уп.: *Regel W.* Op. cit. P. CVII–CVIII; *Ченцова В. Г.* Иллюзии и реалии палеографии: О разных подходах к изучению греческих грамот XVI–XVII вв. // *Очерки феодальной России*. М.; СПб., 2012. Т. 15. С. 406–428.

⁹⁶ РГАДА. Ф. 52. Оп. 2. № 4; публ.: *Regel W. Analecta*. P. 83–85, № 4.

⁹⁷ *Regel W. Analecta*. P. CVI–CVII.

⁹⁸ *Каптанов С. М.* О взаимоотношениях правительства Ивана IV с константинопольским патриархатом в 1557–1561 гг. // *Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв.* Новосибирск, 2005. С. 20–28.

кахетинскому царю Левану, что привезенные им из Москвы деньги были пожалованы Иваном IV не Великой церкви, а ему самому (в этом его обвинял, во всяком случае, писавший царю Ивану из Кафы старец афонской лавры св. Афанасия Феофан)⁹⁹.

В посольской книге III нашлось место для переведенного на русский язык текста соборной грамоты мая 1590 г. об учреждении московского патриархата¹⁰⁰. Правда, между оригиналом и копией есть различия в составе подписей. Наиболее заметное расхождение состоит в том, что русский перечень заканчивается финарским епископом Игнатием, а в греческой грамоте далее следует еще 31 подпись. В оригинале 106 подписей, а в переводе 84, хотя при разнице в 31 подпись в переводе должно было бы быть всего 75 подписей.

Грамоты 1593 и 1594 гг. в посольскую книгу III не попали. Русский перевод грамоты 1593 г. был сделан в XIX в. архим. Порфирием Успенским по тексту греческой рукописи монастыря св. Екатерины на Синае № 508 (976)¹⁰¹. Краткий пересказ содержания грамоты 1594 г. дал А. Н. Муравьев¹⁰².

Общее количество подлинных грамот греческих иерархов XVI в., конечно, намного превосходит число тех документов, которые были направлены русскому правительству и сохранились в России. Известны, например, греческие грамоты XVI в., адресованные жителям г. Львова, Львовскому Успенскому братству, львовскому и киевскому епископам¹⁰³. Однако, поскольку Львов и Киев находились в XVI в. в составе Польско-Литовского, а не Русского государства, в нашу задачу не входят характеристика и учет источников данного круга. Заметим только, что большинство львовских грамот относится к 80–90-м годам XVI в.¹⁰⁴

Особняком стоят четыре грамоты 1560–1561 гг., сохранившиеся в Центральном гос. историческом архиве Украины в г. Львове в фонде Львовского Ставропигийского института (Ф. 129) под № 31–34¹⁰⁵. Они представляют для нас интерес, поскольку связаны с проездом через Львов в 1561 г. египетского митрополита Иоасафа, направлявшегося в Москву с грамотами от патриарха Иоасафа II. Из четырех указанных грамот одна была выдана митрополитом

⁹⁹ РГМ. Т. 1. С. 287–288. № 140.

¹⁰⁰ ПКСРГ. С. 68–73. О русских переводах грамоты 1590 г. и изданиях их в XVII–XIX вв. см. также: *Regel W. Analecta*. Р. СIII–СIV.

¹⁰¹ *Порфирий Успенский, архим.* Деяния Константинопольского собора 1593 года, которым утверждено патриаршество в России // Тр. Киевской духовной академии. Киев, 1865. Т. III. С. 237–248.

¹⁰² [Муравьев А. Н.] Указ. соч. Ч. I. С. 277; Панченко К. А., Фонкич Б. Л. Грамота 1594 г. антиохийского патриарха Иоакима VI царю Федору Ивановичу // Монфоко́н: Исследования по палеографии, кодикологии и дипломатике. М.; СПб., 2007. Т. 1. С. 166–184.

¹⁰³ См.: *Фонкич Б. Л.* Палеография греческих грамот Львовского братства // *Palaeoslavica*, 2002/X. № 2: (For Professor Ihor Ševčenko on his 80th birthday). Р. 282–287. Сердечно благодарю Ю. Э. Шустову за предоставленный мне снимок этой статьи.

¹⁰⁴ Там же. С. 284–287.

¹⁰⁵ ЦГИА Украины в г. Львове. Ф. 129. № 31–34. О грамотах № 31–33 см. также: *Фонкич Б. Л.* Греческие грамоты советских хранилищ // Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974. С. 251; *Он же.* Греческие рукописи и документы. С. 375.

Иоасафом как патриаршим экзархом¹⁰⁶. Написанная на славяно-русском наречии, эта грамота свидетельствует, скорее всего, о том, что митрополита сопровождал писец, умевший говорить и писать либо на русском, либо на близком ему славянском языке. На мысль приходит тот факт, что в этом путешествии митрополита Иоасафа участвовал его русский ученик и протеже Федор Обрюта Михайлов сын Греков, которого мы отождествляем с Ф. М. Ласкиревым. Во Львове Федор наверняка был при митрополите. Они расстались только в Вязьме, на подступах к Москве, куда митрополита не пускали, и он отправил в русскую столицу своего ученика в роли ходатая¹⁰⁷.

Львовская грамота митрополита Иоасафа датируется 6 мая 7069 (1561) г. Из Константинополя митрополит выехал не раньше декабря 1560 г. (самая поздняя дата, стоящая в патриарших грамотах, которые он вез с собой, — декабрь 1560 г.)¹⁰⁸. Следовательно, до Львова Иоасаф добирался около четырех месяцев.

Грамота, которую он здесь выдал, разрешала жительнице Львова, вдове Анастасии, вступить во второй брак — с «честнейшим паном» Давидом. Рассматриваемая грамота — подлинник без печати, без интитуляции и без указания места выдачи, но с датой и подписью митрополита в конце текста на лицевой стороне. На обороте подпись: «пани В̄силіса».

Давид и Василиса фигурируют также в патриарших грамотах. Все три грамоты патриарха Иоасафа II написаны по-гречески. Они содержат отпущение грехов православным жителям г. Львова: одна — Давиду (№ 31)¹⁰⁹, другая — Василисе (№ 32)¹¹⁰, третья — Алексею (№ 33)¹¹¹. Б. Л. Фонкич определяет эти грамоты как «своего рода индульгенции»¹¹². Действительно, в тексте грамот употребляется причастие «συκεχωρημένον», а на обороте каждой из них написано: «патриархικὸν συχωρητικόν»¹¹³ («патриаршее отпущение»); ср. современное «συχωροῦχάρτι» — индульгенция¹¹⁴.

Грамоты патриарха Иоасафа II — подлинники, снабженные прикладной печатью (все печати повреждены). Текст начинается с интитуляции и завершается датой: месяца декабря, индикта 4. Точно такая же датировка в одной из грамот Иоасафа II, отправленных Ивану IV с митрополитом Иоасафом¹¹⁵.

¹⁰⁶ Monumenta Confraternitatis Staupigianae Leopoliensis sumptibus Instituti Staupigiani / Ed. Dr. Wladimirus Milkowicz. Leopoli, 1895. Т. I. Р. 38. № XXXIV (далее — MCSL. Т. I). Эту публикацию мне указала и предоставила снимок страниц Ю. Э. Шустова, которой выражаю горячую признательность.

¹⁰⁷ РГМ. Т. 1. С. 279. № 132. См. также: *Капитанов С. М.* Русский ученик в Константинополе в середине XVI века // Вестник истории, литературы, искусства. М., 2006. Т. III. С. 201–214.

¹⁰⁸ Ср.: *Regel W.* Analecta. P. 85. № 4; MCSL. Т. I. P. 35–37. № XXXI–XXXIII; РГМ Т. 1. С. 275, № 130.

¹⁰⁹ MCSL. Т. I. P. 35. № XXXI; ср.: *Свенцицкий И. С.* Опись Музея Ставропигийского института во Львове. Львов, 1908. С. 91, № 33. Знакомством с «Описью» Свенцицкого я обязан любезности Ю. Э. Шустовой.

¹¹⁰ MCSL. Т. I. P. 36. № XXXII; ср.: *Свенцицкий И. С.* Указ. соч. С. 91. № 34.

¹¹¹ MCSL. Т. I. P. 37. № XXXIII; ср.: *Свенцицкий И. С.* Указ. соч. С. 91. № 35 (в «Описи» Свенцицкого грамота ошибочно датируется декабрем 1561 г.).

¹¹² *Фонкич Б. Л.* Греческие грамоты. С. 251; *Он же.* Греческие рукописи. С. 375.

¹¹³ MCSL. Т. I. P. 37. № XXXIII (легенда).

¹¹⁴ *Иоаннидис А. А.* Новогреческо-русский словарь. М., 1961. С. 614.

¹¹⁵ *Regel W.* Analecta. P. 85. № 4.

Отсюда можно сделать вывод, что все эти грамоты создавались накануне отъезда митрополита Иоасафа из Константинополя в декабре 1560 г. Грамоты для Львова были заготовлены, вероятно, по его заказу. При этом использовался стандартный формуляр. Тексты всех трех индульгенций почти идентичны. Разница в основном касается лишь имен заинтересованных лиц.

Имена Давида и Алексея написаны иным почерком (или другими почерками?)¹¹⁶, нежели основной текст индульгенций. Наверное, их вписали в грамоты после декабря 1560 г., скорее всего, по прибытии митрополита Иоасафа во Львов весной 1561 г. Внесение этих имен в индульгенции было, несомненно, связано с выдачей митрополитом разрешительной грамоты Анастасии на брак с Давидом. В отличие от мужских имен, имя Василисы в касающейся ее индульгенции написано почерком основного текста. Значит, оно было внесено в документ еще в декабре 1560 г. в Константинополе. Да и вписать женское имя позднее в стандартный формуляр индульгенций, рассчитанный на «духовных сыновей»¹¹⁷, было бы невозможно. Василиса фигурирует в тексте индульгенции как «духовная дочь»¹¹⁸, хотя во второй части грамоты, написанной по «мужскому» стандарту, она указывается в относящихся к ней местоимениях, прилагательном и причастии в мужском роде¹¹⁹.

Возможно, Василиса была матерью Анастасии и ходатайствовала за нее перед митрополитом либо в 1556 г., когда Иоасаф совершал свою первую поездку в Москву, либо в 1557 г., когда он возвращался из Москвы в Константинополь. Во всяком случае, ясно, что при отъезде из Константинополя в декабре 1560 г. Иоасаф постарался выполнить просьбу своей львовской протеже. Он получил индульгенцию патриарха лично для нее и запасные индульгенции без имен получателей, нечто вроде *carte blanche*, для лиц, которые могли быть причастны к делам Василисы. Если Давид являлся женихом Анастасии, то об отношении Алексея к ней и к Василисе нельзя сказать ничего определенного. Не исключено, что Алексей был мужем Василисы и отцом Анастасии. Однако главная роль в устройстве замужества Анастасии принадлежала Василисе, о чем свидетельствует ее подпись на обороте разрешительной грамоты митрополита Иоасафа.

По наблюдениям Б. Л. Фонкича, высказанным впервые в статье 1974 г.¹²⁰ и подтвержденным затем в книге 2003 г.¹²¹, три индульгенции патриарха Иоасафа II жителям Львова — Давиду, Василисе и Алексею (грамоты № 31–33) были написаны той же рукой, что и заключительные строки недатированной грамоты

¹¹⁶ Издатель грамот В. Милькович в каждом из этих двух случаев отмечает, что имя вписано другой рукой («Nomen... est ab altera manu inscriptum»), но не указывает, тождествен ли почерк, которым написано имя «Δαβίδ», тому, которым написано имя «Αλέξιον» (MCSL. T. I. P. 35, 37). Нет сведений на этот счет и у Б. Л. Фонкича, специально изучавшего палеографию рассматриваемых грамот.

¹¹⁷ Перед именем Давида, так же, как и Алексея, помещено выражение: «τὸν κατὰ πνεῦμα υἱὸν αὐτῆς».

¹¹⁸ Перед ее именем читаем: «τὴν κατὰ πνεῦμα θυγατέρα».

¹¹⁹ См. следующие формы: «αὐτοῦ», «αὐτὸν», «αὐτῶ», «ἐλεύθερον», «συγκυχωρημένον». По этому поводу В. Милькович замечает: «Formula haec scripta pro personis masculini generis, sed hic formae masculinae non sunt in femininas mutatae» (Ibid. P. 36. Nota 1).

¹²⁰ Фонкич Б. Л. Греческие грамоты. С. 251.

¹²¹ Фонкич Б. Л. Греческие рукописи. С. 375.

Иоасафа II Ивану IV, значащейся под № 3 в оп. 2 ф. 52 РГАДА¹²². Эта грамота была прислана вместе с соборной грамотой 1560 г.¹²³ и по содержанию должна относиться к тому же времени. В статье 2002 г. Б. Л. Фонкич датирует львовскую грамоту № 32 (индальгенция Василисе) декабрем 1561 г. и утверждает, что она была написана Захарией Скордилисом¹²⁴. Еще более радикально меняет Б. Л. Фонкич датировку и авторство львовских грамот № 31 (индальгенция Давиду) и 33 (индальгенция Алексею). По его словам, они были выданы в декабре 1590 г. патриархом Иеремией II. О писце этих грамот Б. Л. Фонкич говорит: «Оба документа писаны протонотарием Великой церкви Феодосием Зигомалой»¹²⁵.

Нам неизвестен почерк ни Захарии Скордилисы, ни Феодосия Зигомалы, но из опубликованного текста грамот № 31–33 недвусмысленно явствует, что все они были составлены от имени патриарха Иоасафа II и относятся к месяцу декабрю и 4-му индикту, т. е. к декабрю 1560 г. Поэтому наблюдения Б. Л. Фонкича 1974 г. кажутся нам более обоснованными, чем его новации 2002 г.

Среди грамот, не известных в оригинале и вместе с тем не вошедших в посольские книги I–III, имеются документы, сохранившиеся в виде копий в составе нескольких рукописных сборников XVI в. Русские и сербские грамоты даются тут на языке оригинала, греческие и латинские — в славяно-русском переводе без каких-либо упоминаний о языке оригинала. Наиболее ранним из таких сборников является митрополичий формулярник первой трети XVI в.¹²⁶ В нем содержатся тексты четырех грамот, затрагивающих вопросы русско-греческих отношений в XVI в. Три грамоты были адресованы митрополиту всея Руси Варлааму, одна — в. кн. Василию III. Варлааму писали константинопольский патриарх Феопит I¹²⁷ и власти двух афонских монастырей — Пантелеймонова¹²⁸ и Ватопеда¹²⁹, Василию III писал александрийский патриарх Иоаким¹³⁰. Все три грамоты Варлааму относятся, по-видимому, к 1516 г., грамота Василию III — к середине — второй половине 20-х годов XVI в.

Из других сборников XVI в. укажем Румянцевский¹³¹ и бывший Толстовский¹³². В них на бумаге 40-х годов XVI в. написаны копии четырех

¹²² См.: *Фонкич Б. Л.* Каталог. С. 9–10, № 3. Оригинал грамоты опубликован: *Regel W. Analecta*. P. 79–83, № 3 (издатель датирует грамоту 1561 г.). Русский перевод XVI в. опубликован: РГМ. Т. 1. С. 268–273, № 129 (в издательском заголовке грамота датируется ноябрем–декабрем 1560 г.). Предпоследняя фраза перевода кончается словами: «и е сие лубо тако» или «и е сие убо тако» (исправленное чтение). В оригинале этому обороту соответствует выражение: «ὄλου ἄν λορευθῆν».

¹²³ См.: *Фонкич Б. Л.* Каталог. С. 9, № 2; *Regel W. Analecta*. P. 75–79, № 2 (дата грамоты: 7069 г., индикта 4); РГМ. Т. 1. С. 265–268. № 128.

¹²⁴ *Фонкич Б. Л.* Палеография греческих грамот. С. 282 (примеч. 3), 284.

¹²⁵ Там же. С. 285.

¹²⁶ ОР ГИМ. Син. 562. Публ.: Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века / подгот. текста А. И. Плигузова, Г. В. Семенченко, Л. Ф. Кузьминой; предисл. А. И. Плигузова; под ред. В. И. Буганова. М., 1986–1992. [Вып.] I–V.

¹²⁷ РГМ. Т. 1. С. 339–340, № 3.

¹²⁸ Там же. С. 334–336, № 1.

¹²⁹ Там же. С. 336–338, № 2.

¹³⁰ Там же. С. 341–347, № 4.

¹³¹ НИОР РГБ. Ф. 256 (Собр. Н. П. Румянцева). № 264.

¹³² ОР РНБ. Q. XVII. № 50 (рукопись из бывшего собрания Ф. А. Толстого).

документов, касающихся связей между Россией и греческим православным миром. В двух документах фиксируются привилегии, предоставленные афонскому Пантелеймонову монастырю. Это жалованная грамота Ивана IV 1543 г. на беспошлинный проезд пантелеймоновских старцев по территории Русского государства¹³³ и окружное послание митрополита Макария 1547 г., призывающее всех православных христиан давать милостыню монахам Пантелеймонова монастыря, приехавшим в Россию и посетившим царя Ивана IV¹³⁴. Авторами двух других грамот были александрийский патриарх Иоаким (1545 г.)¹³⁵ и константинопольский патриарх Дионисий II (1546 г.)¹³⁶. Они обращались к Ивану IV с просьбой освободить из заточения и отпустить на все четыре стороны опального монаха Максима Грека.

Для освещения истории русско-греческих отношений весьма интересна также грамота 1537 г. польского короля Сигизмунда I мунтянскому (валашскому) воеводе Иону Радулу VII, рассказывающая о конфликте, возникшем между литовскими властями и старцами Пантелеймонова монастыря, которые ехали из России на Афон через территорию Великого княжества Литовского. Эта грамота дошла в копии в составе одной из книг Литовской метрики конца XVI в.¹³⁷ Она была введена в научный оборот А. Л. Хорошкевич¹³⁸ и опубликована нами¹³⁹.

Некоторые грамоты, отсутствующие в «греческих» посольских книгах XVI в., сохранились в копиях XVII–XIX вв. Нам известны копии XVII в., донесшие текст двух грамот Ивана IV 1558 г. о свободе проездов по России старцев македонского монастыря Ивана Рыльского для сбора милостыни¹⁴⁰. Копиями XVII в. представлены некоторые грамоты царя Федора Ивановича монастырям сербскому Благовещенскому на Папороте (август 1588 г.¹⁴¹ и 15 октября 1591 г.¹⁴²), Всесвятскому на Метеорской горе в Фессалии (28 февраля 1592 г.)¹⁴³ и афонскому Ватопедскому (декабрь 1592 г.)¹⁴⁴. Имеется копия XVII в. грамоты патриарха Иова Хиландарскому монастырю от 16 апреля 1591 г.¹⁴⁵ В копии начала XIX в. дошел текст грамоты царя Федора Ивановича Пантелеймонову монастырю от 10 августа 1591 г.¹⁴⁶

Важным источником по истории русско-греческих связей являются послания александрийского патриарха Мелетия Пигаса (1590–1601 гг.).

¹³³ РГМ. Т. 1. С. 350–352, № 6.

¹³⁴ Там же. С. 358–361, № 9.

¹³⁵ Там же. С. 352–355, № 7.

¹³⁶ Там же. С. 355–358, № 8.

¹³⁷ РГАДА. Ф. 389 (Литовская метрика). [Кн. записей]. № 21 (1537 г.). Л. 213–214.

¹³⁸ Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980. С. 204, Примеч. 778.

¹³⁹ РГМ. Т. 1. С. 347–350, № 5.

¹⁴⁰ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Реестр 2. 1558 г. №1. Л. 1–3. Публ.: РГМ. Т. 1. С. 363–365. № 11, 12.

¹⁴¹ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Реестр 2. 1588 г. № 1. Есть еще список начала XIX в.: Там же. Оп. 3. № 11.

¹⁴² Там же. Оп. 1. Реестр 2. 1592 г. № 1. Л. 1–3. Есть еще список начала XIX в.: Там же. Оп. 3. № 15.

¹⁴³ Там же. Оп. 1. Реестр 2. 1592 г. № 2 (без начала).

¹⁴⁴ Там же. 1593 г. № 1. Л. 1–3.

¹⁴⁵ Там же. 1591. № 1.

¹⁴⁶ Там же. Оп. 3. № 14.

Сохранилось несколько сборников копий его писем. Для публикации 15 писем Мелетия, касающихся России, В. Регель использовал два копийных сборника — Патмосский и Саккелиона. Первый сохранился в библиотеке монастыря св. Иоанна Евангелиста на о. Патмос (№ 396)¹⁴⁷, второй принадлежал хранителю Афинской национальной библиотеки Саккелиону, современнику Регеля¹⁴⁸. Оба сборника написаны почерками конца XVI — начала XVII в.¹⁴⁹ Из опубликованных Регелем 15 писем Мелетия девять были адресованы царю Федору Ивановичу¹⁵⁰, одно — царице Ирине¹⁵¹, одно — патриарху Иову¹⁵², два — «ипату» (правителю) Борису («Парису») Годунову¹⁵³, одно — «архонту» Андрею Щелкалову, дьяку Посольского приказа¹⁵⁴, одно — его брату, «архонту» и «казначею» Василию Щелкалову, четвертному дьяку¹⁵⁵.

Из этих посланий¹⁵⁶ 14 относятся к периоду с 1592 по 1597 г. Одно письмо царю Федору Ивановичу датировано 10 «скирофориона» (июля) 1583 г.¹⁵⁷ Мелетий фигурирует в нем не как патриарх, а как протосинкель и архимандрит в Александрии. Это значит, что данное письмо было написано до избрания его патриархом в 1590 г. В качестве адресата рассматриваемого письма указан царь Федор Иванович, который в июле 1583 г. еще не был царем. Следовательно, в дате копии допущена ошибка. Неизвестно, была ли она в оригинале. По мнению Регеля, письмо от 10 июля надо датировать временем между 1584 и 1590 гг.¹⁵⁸

Целый ряд грамот, возникших в XVI в. в процессе развития связей между Россией и греко-славянским православным миром, не сохранился ни в оригинале, ни в копиях. О некоторых из этих грамот мы узнаем по упоминаниям в других источниках. Приведем известные нам на этот счет сведения, расположив их в порядке хронологии упоминаемых грамот. Для грамот, которые упомянуты в том или ином источнике без указания даты, мы вводим в квадратных скобках примерную датировку, основанную на косвенной информации и логических допущениях.

- 1) [Не позже 1503–1505 гг.] — Грамота (челобитная) арфонского Пантелеймонова монастыря в. кн. Ивану III с просьбой о милостыни. Упоминается в грамоте (около 1508 г.) иг. Саввы в. князю Василию III¹⁵⁹.
- 2) [1504 г.] — Грамота в. князей Ивана III и Василия III белградскому митрополичьему дому (монастырю Успения Богородицы) о милостыне.

¹⁴⁷ Описание состава Патмосского сборника см.: *Regel W. Analecta*. P. CXX–CXLIV, [№] II.

¹⁴⁸ Описание состава сборника Саккелиона см.: *Idem*. P. CXLIV–CLI, [№] III.

¹⁴⁹ *Idem*. P. CXV, CXVII.

¹⁵⁰ *Idem*. P. 92–96, 98–101, 104–111, 113–115. № 6/1, 6/2, 6/4, 6/8–6/11, 6/14, 6/15.

¹⁵¹ *Idem*. P. 103–104. № 6/7.

¹⁵² *Idem*. P. 96–98, № 6/3.

¹⁵³ *Idem*. P. 102, 111–112, № 6/5, 6/12.

¹⁵⁴ *Idem*. P. 102–103. № 6/6.

¹⁵⁵ *Idem*. P. 112–113. № 6/13.

¹⁵⁶ Переводы их на русский язык см.: *Мальшевский И. [И.] Александрийский патриарх Мелетий Пигас и его участие в делах русской церкви*. Киев, 1872.

¹⁵⁷ *Regel W. Analecta*. P. 114–115, № 6/15.

¹⁵⁸ *Idem*. P. CXI.

¹⁵⁹ «И господарю святопочившему великому кнезу Ивану, твоему родителю, писали есмы...» (РГМ. Т. 1. С. 136, № 6).

- Упомянута в челобитной (около 1508–1509 гг.) белградских старцев Анастасия и Иоанникия в. князю Василию III¹⁶⁰.
- 3) [1505–1506 гг.] — Грамота белградского митрополита [Григория] в. князю Василию III с просьбой о милостыне. Упомянута в грамоте (около 1508 г.) митрополита Феофана¹⁶¹.
  - 4) [1506–1507 гг.] — [Грамота] в. князя Василия III белградскому митрополиту Григорию о посылке ему милостыни с попом Анастасием, с требованием записать в синодик и «поминати по вся дни» великокняжеских родителей — Ивана III и Софью [Палеолог]. Упомянута в грамоте Василия III митр. Феофану 1509 г.¹⁶²
  - 5) [1506–1507 гг.] — Грамота в. князя Василия III афонскому Пантелеймонову монастырю о посылке ему 5 сороков соболей, 5000 белки и серебряной чаши с архидьяконом Пахомием и старцем Иаковом, с требованием записать отца великого князя, Ивана III, в синодик и поминать великокняжеских родителей и прародителей. Упомянута в грамоте (около 1508 г.) игумена Саввы в. князю Василию III¹⁶³ и в грамоте Василия III 1509 г. игумену Савве¹⁶⁴.
  - 6) [1506–1507 гг.] — Грамота в. князя Василия III проту Св. Горы Афонской [Паисию] о посылке ему милостыни с архидьяконом Пахомием и иноком Пантелеймонова монастыря Иаковом в размере 160 златниц для раздачи по монастырям, с требованием поминать великокняжеских родителей, Ивана III и Софью [Палеолог]. Упомянута в грамоте (около 1508 г.) прота Паисия в. князю Василию III¹⁶⁵ и в грамоте Василия III проту Паисию 1509 г.¹⁶⁶
  - 7) [1507–1508 гг.] — [Первая] грамота прота Св. Горы Афонской Паисия в. князю Василию III с уведомлением о получении милостыни в размере 160 златниц. Упомянута в грамоте (около 1508 г.) прота Паисия в. князю Василию III¹⁶⁷.

(продолжение следует)

---

¹⁶⁰ В челобитной говорится, что Иван III выдал монастырю «свое листи купно с твоимъ господарским именемъ» (Там же. С. 139, № 10). Выдача жалованных грамот от объединенного лица Ивана III и Василия III была характерна для политики, проводившейся в 1504 г.

¹⁶¹ В грамоте Феофана сказано, что «прежде нас бывши наставник(и) послали беху братию нашу монастырскую съ молебним писанием, и ваше господство помиловали есте...» (Там же. С. 137, № 8). О том, что предшественником Феофана на белградской митрополичьей кафедре был Григорий, известно из грамоты Василия III 1509 г. (Там же. С. 149, № 29).

¹⁶² Там же. С. 149, № 29.

¹⁶³ Там же. С. 135, № 6.

¹⁶⁴ Там же. С. 147, № 26.

¹⁶⁵ Там же. С. 131–132, № 5.

¹⁶⁶ Там же. С. 145–146, № 24.

¹⁶⁷ Там же. С. 131–132, № 5. Здесь говорится, что по получении милостыни и грамоты Василия III афонские власти послали своих старцев «съ другу граматакию и съ печат», грамота же 1508 г. характеризуется как «сие мало наше написание», отправляемое «паки... въ уведение» (Там же. С. 132).

Д. Г. Полонский

**ПЕРЕВОД ТОМОСА РИМСКОГО ПАПЫ ЛЬВА I
ВЕЛИКОГО И ЕГО ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНВОЙ
В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЧЕТЫХ СБОРНИКАХ
XV–XVII ВЕКОВ***

47-й папа римский Лев I Великий (годы понтификата: 440–461), как никакой другой из раннехристианских первоиерархов Рима, известен своей проповеднической деятельностью: помимо обширного эпистолярного наследия, насчитывающего 123 письма¹, до нас дошло 96 его поучений, разъясняющих значение христианских праздников и обрядов, еще 28 гомилий атрибутируются папе Льву предположительно². Помимо этого, римскому понтифику приписывается цикл литургических текстов³.

Наибольшую известность из сочинений папы Льва получило написанное 13 июня 449 г. на латинском языке послание Константинопольскому архиепископу Флавиану (*Leonis Magni Tomus ad Flavianum*), посвященное обоснованию соединения в одном лице двух природ Иисуса Христа, божественной и человеческой, и отнесенное впоследствии к важнейшим вероучительным текстам христианского догматического богословия⁴. Это послание (или Томос, как его принято называть для отличия от других эпистолярных текстов папы Льва) было 10 октября 451 г. в греческом переводе оглашено на IV Вселенском соборе в Халкидоне, оказав основополагающее влияние на утверждение участниками собора обоснованной понтификом христологической доктрины в качестве ортодоксальной⁵.

---

* Автор сердечно признателен А. А. Турилову за ценные советы и замечания, а также А. Б. Бильдюг, С. А. Волковой, Г. С. Гадаловой, Е. Д. Конусовой, Ж. Л. Левшиной, Л. В. Мошковой, А. Г. Хачаянц, М. Ю. Глазкову и А. Б. Постникову за помощь, оказанную при работе в хранилищах рукописей Владимира, Москвы, Пскова, С.-Петербурга, Саратова и Твери.

¹ *Lietzmann H.* Leo I. der Große, römischer Papst // *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Stuttgart, 1925. Bd. XII, 2. Sp. 1962–1973; ср.: *Murphy F. X.* Leo I, Pope, St. // *The New Catholic Encyclopedia*. Second Edition. Washington, D.C., 2003. Vol. 8. P. 477.

² Перечень этих проповедей и разбор аргументов о происхождении сомнительных текстов см.: *Певницкий В.* Святой Лев Великий и его проповеди. Киев, 1871. С. 65–71.

³ *Murphy F. X.* Op. cit. P. 475.

⁴ Библиография исследований, посвященных этому посланию, исчисляется десятками наименований, см.: *Arens H.* Die christologische Sprache Leos des Großen: Analyse des Tomus an den Patriarchen Flavian. Freiburg, 1982. 705–713; *Wessel S.* Leo the Great and the Spiritual Rebuilding of a Universal Rome. Leiden, 2008. P. 389–408; *Green B.* The Soteriology of Leo the Great. N. Y., 2008. P. 254–266.

⁵ *Болотов В. В.* Лекции по истории древней церкви. Пг., 1918. Т. IV. С. 286–287; *Rahner H.* Leo der Große, der Papst des Konzils // *Das Konzil von Chalkedon*. Köln; Würzburg, 1951. Bd. I. S. 323–339; *Sellers R. V.* The Council of Chalcedon: A Historical and Doctrinal Survey. L., 1961. P. 109–115.

Славянский перевод послания, выполненный с греческого языка в Киевской Руси в XII в. иноком, вошедшим в историографию под именем Феодосия Грека⁶, был предварен кратким историческим изложением событий на соборе с заголовком «О четвертом соборе, иже в Халкидоне, слово святых отец шестисот и тридесят», а также сопровождается историко-догматическим предисловием и послесловием переводчика, образовав тем самым цельный последовательно организованный корпус из четырех письменных памятников. По-видимому, такая необычная композиция различных произведений, где переводчик выступал комментатором переводимого им автора, надолго создала для археографов затруднения при описании составных частей корпуса, поскольку порождала определенные проблемы интерпретации внутренних границ текстов. С другой стороны, как выясняется, Томос оказался единственным из многих сочинений Льва Великого, широко распространявшимся в славянском переводе на протяжении XV–XVII вв. в составе кириллических рукописных книг⁷.

В поле зрения археографов весь корпус этих текстов впервые оказался еще в начале XIX в., когда при описании рукописей Иосифо-Волоколамского монастыря, составленном П. М. Строевым по поручению графа Н. П. Румянцева в 1817 г. и полностью напечатанном только в конце столетия⁸, был отмечен список анонимного Слова «О четвертом соборе, иже в Халкидоне». Список включен в состав сборника конца XV в., хранящегося ныне в РГБ⁹. В этом описании название всему корпусу дано по первому из текстов, но составляющие части корпуса не выделены, и, соответственно, имя папы Льва и перевод его Томоса не упомянуты¹⁰. Затем при описании сборника XVI в. под названием «Пятидесятница» из собрания рукописей Ф. А. Толстого¹¹ К. Ф. Калайдович и П. М. Строев указали в его составе два сочинения: «Сказание о соборе Вселенском четвертом» и «Сказание

⁶ *Шахматов А. А.* Киевопечерский патерик и Печерская летопись // Изв. ОРЯС. СПб., 1897. Т. 2, кн. 3. С. 828; *Булачина Т. В.* Феодосий Грек // СККДР. Л., 1987. Вып. I. С. 459–461; *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.) / пер. с нем. А. В. Назаренко. СПб., 1996. С. 294–298, 518. Издание греческого текста Томоса папы Льва с подведением разночтений по 18 спискам: *Acta conciliorum oecumenicorum. Concilium universale Chalcedonense* / ed. E. Schwartz. Berolini et Lipsiae, 1933. Т. 2. Vol. 1. Pars 1. P. 10–19.

⁷ Одно известное нам исключение в этом отношении представляет рукопись западно-русского происхождения XVII в., описанная А. В. Горским и К. И. Невоструевым как «Собрание поучений преп. Феодора Студита и других» (ОРСК. ГИМ. Син. № 160), куда входят шесть поучений папы Льва (но не Томос), переведенных, как установили археографы, с польского издания Петра Скарги: *Kazania przygodne z inemi drobniejszemi pracaćmi...* Krakow, 1610. См.: *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1859. Отд. 2, ч. 2. С. 347–349, 360–362.

⁸ *Строев П.* Описание рукописей монастырей Волоколамского, Новый-Иерусалим, Саввина-Сторожевского и Пафнутиева-Боровского. СПб., 1891. С. 5. (ОЛДП. Т. ХСVIII).

⁹ НИОР РГБ. Ф. 113. № 431. Л. 294 об.–396.

¹⁰ Столь же неполно корпус в составе этого сборника описан в другом труде XIX в.: *Иосиф, иеромон.* Опись рукописей, перенесенных из библиотеки Иосифова монастыря в библиотеку Московской духовной академии. М., 1882. С. 56.

¹¹ Современный шифр: ОР РНБ. Ф. 550. № F.I.224. Л. 339 об.–341 об.

Римская епистолия»¹². Тем самым сведения об авторстве Томоса, предисловию и послесловию переводчика в этом описании также были опущены.

Первым исследователем, проанализировавшим весь корпус связанных с переводом послания папы Льва памятников и опубликовавшим его, стал О. М. Бодянский, который в январе 1843 г. выявил в рукописном собрании И. Н. Царского кодекс первой четверти XV в., содержащий список славянского перевода Томоса и ставший впоследствии широко известным археографам, историкам и филологам¹³. Изучив предисловие и послесловие к славянскому переводу послания папы Льва, исследователь датировал перевод Томоса (или «епистолии», как ее называл переводчик) XII веком, установив, что он был выполнен Феодосием с греческого языка, а инициатором перевода выступил князь Святоша Давыдович (ок. 1080 — после 1142/43 г.), принявший постриг в 1106 или 1107 г. в Киевском Печерском монастыре¹⁴, и известный по сказанию Киево-Печерского патерика под именем Николы Святоши¹⁵.

Тем самым О. М. Бодянским была впервые не только установлена нетривиальная структура корпуса, но и выявлено неизвестное ранее имя славянского книжника. Исследователь не стал сразу публиковать сведения о своем открытии, однако написал о нем выдающемуся слависту Павлу Йозефу Шафарику, служившему хранителем библиотеки университета в Праге. О содержании письма Бодянского можно судить на основании отклика Шафарика, который был опубликован спустя полвека. «Ваши открытия весьма важны, — отвечал Шафарик Бодянскому 21 июня 1843 г., — что мне пишете “о иноке Феодосии и князе Святославе”, было для меня совершенной новостью; и я охотно верю, что все это так, но, не имея в руках рукописи, не знаю, что бы можно было к этому добавить. Эти и другие древние памятники в свое время надо будет издать, но не нужно с этим торопиться, а главное при этом то, чтобы это было для успеха и прогресса науки»¹⁶.

О. М. Бодянский последовал совету почтенного слависта, осуществив публикацию корпуса через пять лет и сопроводив ее научным комментарием¹⁷.

¹² Обстоятельное описание славяно-русских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке... графа Федора Андреевича Толстова / изд. К. Калайдович и П. Строев. М., 1825. Отд. I. № 106. С. 57.

¹³ Собрание принадлежавших И. Н. Царскому рукописных книг было ок. 1853 г. приобретено графом А. С. Уваровым и ныне в составе его собрания хранится в ГИМ. Современный шифр кодекса: ОРСК ГИМ. Увар. № 509. Л. 299 об.–310. См. тж.: Юхименко Е. М. Купцы Царские и их вклад в историю старообрядчества и культуры // Старообрядчество: история, культура, современность. Мат-лы X Междунар. конф. Москва; Боровск, 2011. Т. 1. С. 271–284.

¹⁴ ПСРЛ. Л., 1926. Т. I: Лаврентьевская летопись, вып. 1: Повесть временных лет. С. 281; СПб., 1908. Т. II: Ипатьевская летопись. С. 258; М., 2000. Т. VI, вып. 1: Софийская первая Летопись старшего извода. С. 218.

¹⁵ Патерик Киевского Печерского монастыря / ред. Д. И. Абрамович. СПб., 1911. С. 185.

¹⁶ Русский перевод письма цит. по: Письма П. И. Шафарика к О. М. Бодянскому (1838–1857) с приложением писем П. И. Шафарика к В. И. Григоровичу (1852–1856) / подгот. изд. П. А. Лавров, М. Н. Сперанский. М., 1895. № 38. С. 158. Оригинал письма по-чешски опубликован там же: с. 48–49.

¹⁷ Бодянский О. Славяно-русские сочинения в пергаменном сборнике И. Н. Царского // ЧОИДР. 1848. № 7. Отд. II. С. XV–XXII, 1–20.

В том же 1848 г. П. М. Строев в изданном им каталоге собрания И. Н. Царского отметил в поstateйных описаниях сборников, помимо изученного Бодянским кодекса № 362, еще два списка, вновь обозначенные только по наличию Слова «О четвертом соборе, иже в Халкидоне»¹⁸, несмотря на то, что эти рукописи целиком содержат предисловие Федосия, переведенное им послание Льва Великого и послесловие переводчика.

Однако после выхода в свет пионерской работы Бодянского, где отмечалось, в частности, что «Послание или Епистолия тесно связано с Сказанием “о четвертом Сборе, иже в Халкидоне”», само собой из него вытекает, составляя как бы продолжение его»¹⁹, археографы уже неоднократно указывали на факты включения «Слова о Халкидонском соборе» наряду с переводной «епистолией» папы Льва в состав кодексов описанных ими рукописных собраний, в том числе относящихся к крупнейшим русским книгописным центрам. Так, в 1870–1890-е годы это было сделано В. М. Ундольским²⁰; архим. Амфилохием (Сергиевским-Казанцевым)²¹; иеромон. Иларием и Арсением²²; иеромон. Иосифом²³; И. Я. Порфирьевым с сотрудниками²⁴; архим. Леонидом (Кавелиным)²⁵; а затем в начале XX в. — Д. И. Абрамовичем²⁶ и Г. П. Георгиевским²⁷.

Труды археографов второй половины XIX — начала XX в. в отношении учета новых для того времени сведений о списках «епистолии» папы Льва I и его литературного конвоя явно происходили вне исследовательского внимания историков и славистов, которые после выхода в свет труда О. М. Бодянского, не привлекая к изучению новооткрытые списки, в основном сосредоточились не на исследовании этого корпуса текстов,

¹⁸ Строев П. Рукописи славянские и российские, принадлежащие почетному гражданину и Археографической Комиссии корреспонденту Ивану Никитичу Царскому. М., 1848. № 362. С. 345–352; № 364. С. 353–355; № 612. С. 654–663.

¹⁹ Бодянский О. Указ. соч. С. XV.

²⁰ Ундольский В. М. Славяно-русские рукописи В. М. Ундольского, описанные самим составителем и бывшим владельцем собрания, с № 1-го по № 579-й. М., 1870. С. 412–418, 418–423, 425–429.

²¹ Амфилохий (Сергиевский-Казанцев), архим. Описание Воскресенской Новоиерусалимской библиотеки, с приложением снимков со всех пергаменных рукописей и некоторых писанных на бумаге. М., 1876. С. 161–166.

²² Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М., 1878. Ч. Б, отд. VII. С. 33–35.

²³ Иосиф, иеромон. Указ. соч. С. 5–57, 61–65.

²⁴ [Порфирьев И. Я., Вадковский А. В., Красносельцев Н. Ф.] Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Казань, 1885. Ч. II. С. 451–457.

²⁵ Леонид (Кавелин), архим. Сведение о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища Св. Троицкой Сергиевой Лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии в 1747 году (ныне находящихся в библиотеке Московской духовной академии). М., 1887. Вып. 1. С. 54–60; Он же. Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа А. С. Уварова в четырех частях с 13-ю снимками. М., 1891. Ч. I. № 329, С. 428–436; М., 1894. Ч. IV. № 1774. С. 19–21.

²⁶ Абрамович Д. И. Описание рукописей С.-Петербургской духовной академии: Софийская библиотека. СПб., 1907. Вып. II.: Четьи Миней. Прологи. Патерики. С. 131–154.

²⁷ Георгиевский Г. П. Рукописи Т. Ф. Большакова, хранящиеся в Императорском Московском и Румянцевском музее. Пг., 1915. С. 344–345.

а на поисках доказательств и опровержений атрибуции Феодосию ряда других произведений древнерусской литературы²⁸. При этом в историографии утвердилось мнение о греческом происхождении переводчика Томаса Льва Великого²⁹, и, таким образом, комментированный перевод «епистолии» был сочтен единственным произведением, созданным в Киевской Руси выходящем из Византии.³⁰

Что касается «Слова о Халкидонском соборе», то исследователи выражали противоположные мнения по вопросу об авторстве этого сочинения: так, А. А. Шахматов, благодаря которому переводчик Томаса Льва I вошел в историографию под именем Феодосия Грека, не сомневался, что именно он и был составителем «Слова...»³¹, тогда как А. И. Соболевский уверенно, но не приводя обоснований, утверждал, что автором был не Феодосий, а «другой, уже русский ревнитель православия»³². Ни то, ни другое предположение до настоящего времени не было доказано³³. Это означает, что корпус следует рассматривать как совокупность четырех текстов, принадлежащих трем разным авторам: анонимному составителю «Слова...», переводчику Феодосию и папе Льву Великому.

Значительный массив информации о списках «Слова о Халкидонском соборе» и «епистолии» папы Льва Великого мог быть накоплен уже в XIX — начале XX вв., однако в основном эти сведения остались разрозненными. Вследствие того, что результаты трудов археографов, связанные с выявлением перевода Томаса папы Льва Великого и его конвоя в составе рукописных сборников, не обобщались и не систематизировались, даже в авторитетном справочном издании были опубликованы неверные сведения об уникальности списка, по которому «Слово о Халкидонском соборе» и «епистолия» папы Льва были опубликованы О. М. Бодянским³⁴. В новейшем критическом обзоре исследований, связанных с переводом Феодосия, Д. М. Буланин вновь сообщил, что «до недавнего времени на учете был всего лишь один список памятника»³⁵. На самом же деле учет и введение списков в научный оборот осуществлялись археографами еще

²⁸ Подскальски Г. Указ. соч. С. 296.

²⁹ См., например: Филарет [Гумилевский], архиеп. Обзор русской духовной литературы: 862–1720. Харьков, 1859. С. 46; Голубинский Е. История русской церкви. М., 1901. Т. I, 1. 2-е изд. С. 859–860.

³⁰ Ср.: Thomson F. J. «Made in Russia»: A Survey of the Translations Allegedly Made in Kievan Russia // Idem. The Reception of Byzantine Culture in Mediaeval Russia. Aldershot, 1999. P. 304. Современные исследователи справедливо отмечали, что признание переводчика греком сомнительно: Franklin S. Greek in Kievan Rus' // *Dumbarton Oaks Papers*. 1992. Vol. 46. P. 72; Буланин Д. М. «Римская епистолия» // Каталог памятников древнерусской письменности XI–XIV вв.: (Рукописные книги) / отв. ред. Д. М. Буланин; сост. Д. М. Буланин и др. СПб., 2014. С. 560.

³¹ Шахматов А. А. Указ. соч. С. 828.

³² Соболевский А. И. Отношение древней Руси к разделению церквей // Изв. Имп. АН. 1914. VI сер. № 2. С. 97.

³³ Подробнее о происхождении и источниках этого сочинения: Полонский Д. Г. Историческая эрудиция составителя «Слова о Халкидонском соборе» // *Slověne: International Journal of Slavic Studies*. 2014. Vol. 3. No. 2. P. 130–174.

³⁴ Буланина Т. В. Указ. соч. С. 460.

³⁵ То есть ОР ГИМ. Увар. № 509. Л. 299 об.–310. См.: Буланин Д. М. Указ соч. С. 566.

с первой половины позапрошлого века, причем эти труды относились к хорошо известным рукописным собраниям и были начаты до выхода в свет работы О. М. Бодянского.

Положение изменилось в конце прошедшего столетия, когда был опубликован фундаментальный каталог Т. В. Черторицкой, где постаейно расписано содержание десяти триодных четых сборников, содержащих «Слово о Халкидонском соборе», предисловие Феодосия, «епистолию» папы Льва и послесловие переводчика³⁶. Перечень списков, приведенных в этой работе, следует существенно расширить, поскольку, в частности, сборники чтений на церковные праздники, приуроченные к солнечному календарю, вообще не были предметом тематического каталога. С учетом как собранных Т. В. Черторицкой данных, так и сведений, известных археографам XIX–XX вв., удалось выявить и систематизировать сведения о 45 кодексах триодных и минейных Торжественников, июльских Миней четых и иных сборников XV–XVII вв., полностью или частично содержащих перевод Томаса Льва Великого и его конвой.

Списки датируются XV–XVII вв. и распределяются по типам содержащих их сборников следующим образом³⁷:

Календарные сборники

I. Триодные (30 списков):

1. ИРЛИ. Ф. Р–IV (Собр. древнерусских рукописей и старопечатных книг, Древлехранилище им. В. И. Малышева). Колл. В. Н. Перетца, № 3 (далее — *Пер3*), Торжественник общий*³⁸ (отрывок: 16 л. без начала и конца), конец первой четверти XV в., л. 3–11 об., писец Серапион³⁹.
2. ПИАМЗ. Отдел рукописных и старопечатных книг (Древлехранилище). Ф. 241 (собр. И. П. Елагина). № 111. Торжественник триодный⁴⁰ (далее — *Елаг111*), рукопись без начала и конца, 1420–1430-е годы (кроме вкладных л. 1–7 — XVIII в.), листы перепутаны: Л. 222 об.–228 об., 236, 230–230 об., 229–229 об., 249–249 об., 237.

³⁶ *Čertorickaja T. V.* Vorläufiger Katalog kirchenslavischer Homilien des beweglichen Jahreszyklus aus Handschriften des 11.–16. Jahrhunderts vorwiegend ostslavischer Provenienz. Opladen, 1994. S. 419–420.

³⁷ К сожалению, объем статьи не позволяет в приводимом ниже обзоре списков детально указать границы составляющих корпус текстов, отметить размеры кодексов и писчего пространства, филигранные записи и другие особенности рукописей. Мы надеемся это сделать в отдельной монографии.

³⁸ Списки, отмеченные здесь и далее знаком «*», входят в Торжественники общие (включающие в себя перемежающиеся либо последовательные фрагменты годовых циклов статей триодного и минейного Торжественников), однако для каждого из кодексов удается определить, к какой календарной разновидности Торжественника относится конкретный список, что и отражает приводимый перечень.

³⁹ Эта рукопись была частью другого кодекса: *Левшина Ж. Л.* «Болгаризованное» письмо русского книжника первой половины XV века Серапиона и второе южнославянское влияние // *Очерки феодальной России*. М.; СПб., 2013. Вып. 16. С. 3–36, ср. *Čertorickaja T. V.* Op. cit. № 7.018. S. 543.

⁴⁰ *Осипова Н. П.* Каталог славяно-русских рукописей Псковского музея-заповедника (XIV — начало XX в.). Псков, 1991. Ч. 1. С. 8–10.

3. ИИ СОРАН. № 53/71, Торжественник общий*⁴¹, 1440-е годы Л. 529–539.
4. ОРСК ГИМ. Собр. А. С. Уварова. № 384. Торжественник общий*⁴², вторая половина XV в. Л. 534 об.–542 об.
5. ОРСК ГИМ. Собр. А. С. Уварова. № 509. Торжественник общий*⁴³ (далее — *Увар509*), первая четверть XV в. Л. 299 об.–310.
6. ОРСК ГИМ. Собр. А. С. Уварова. № 511. Торжественник триодный⁴⁴, рукопись без конца, середина XV в. Л. 304 об.–325 об.
7. ОРСК ГИМ. Собр. Чудова монастыря. № 262. Торжественник общий*⁴⁵, 1443 г. Л. 368 об.–380 об.
8. ОРСК ГИМ. Собр. Воскресенского Новоиерусалимского монастыря. № 109. Торжественник триодный и Синаксарь⁴⁶ (далее — *Воскр109*), вторая половина XVI в. Л. 155–165 об.
9. НИОР РГБ. Ф. 98 (собр. Е. Е. Егорова). № 117. Торжественник триодный, последняя четверть XV в. Л. 235 об.–244.
10. НИОР РГБ. Ф. 299 (собр. Н. С. Тихонравова). № 420. Торжественник триодный с дополнительными статьями⁴⁷ (далее — *Тих420*), последняя четверть XV в. Л. 254 об.–265 об.
11. НИОР РГБ. Ф. 299 (собр. Н. С. Тихонравова). № 456. Сборник поучений, включающий выписки из триодного Торжественника⁴⁸, 1520–1530-е годы. Л. 179 об.–196 об.
12. НИОР РГБ. Ф. 152 (собр. И. Я. Лукашевича и Н. А. Маркевича). № 85, Торжественник общий*⁴⁹ (далее — *Лук85*), рукопись без начала и конца, последняя четверть XV в. Л. 217–219, писец Иван Михайлович.

⁴¹ Этот кодекс de visu мной не изучался, сведения приводятся по печатным описаниям. Следует заметить, что датировка кодекса 40-ми годами XV в. (*Āertorickaja T. V. Op. cit.* № 9.011. S. 557) получена путем расчета «средней статистической нормы» (*Черторицкая Т. В.* Торжественник из собрания ИИФиФ: (Опыт описания сборника постоянного состава) // *Источниковедение и археография Сибири.* Новосибирск, 1977. С. 163–164), поскольку разброс датировок по различным филиграммам колеблется от 1399 до 1469 г.

⁴² *Строев П.* Рукописи славянские и российские... № 612. С. 654–663; *Леонид (Кавелин), архим.* Систематическое описание... Ч. I. № 329. С. 428–436.

⁴³ *Строев П.* Рукописи славянские и российские... № 362. С. 345–352; *Леонид (Кавелин), архим.* Систематическое описание... Ч. IV. № 1772. С. 13–18; *Āertorickaja T. V. Op. cit.* № 9.051. S. 595.

⁴⁴ *Строев П.* Рукописи славянские и российские... № 364. С. 353–355; *Леонид (Кавелин), архим.* Систематическое описание... Ч. IV. № 1774. С. 19–21; *Āertorickaja T. V. Op. cit.* № 9.052. S. 596.

⁴⁵ Краткое описание: *Протасьева Т. Н.* Описание рукописей Чудовского собрания. Новосибирск, 1980. С. 147–148; исследование записей: *Тихомиров М. Н.* Записи XIV–XVII веков на рукописях Чудова монастыря // *АЕ* за 1958 год. М., 1962. С. 14.

⁴⁶ *Амфилохий (Сергиевский-Казанцев), архим.* Указ. соч. С. 161–166; см. также: *Костюхина Л. М.* Записи XIII–XVIII вв. на рукописях Воскресенского монастыря // *АЕ* за 1960 год. М., 1962. С. 280.

⁴⁷ *Āertorickaja T. V. Op. cit.* № 9.023. S. 566–567.

⁴⁸ Описание: *Георгиевский Г.* Собрание Н. С. Тихонравова. М., 1913. [Вып.] 1: Рукописи. С. 81–82. Здесь эта восточнославянская рукопись ошибочно определена как сборник «среднеболгарского письма».

⁴⁹ *Щанов Я. Н.* Собрание И. Я. Лукашевича и Н. А. Маркевича. М., 1959. С. 73–77; *Āertorickaja T. V. Op. cit.* № 9.013. S. 560.

13. НИОР РГБ. Ф. 113 (собр. Иосифо-Волоколамского монастыря). № 431, Торжественник триодный⁵⁰ (далее — *Волок431*), конец XV — начало XVI вв. Л. 294 об.–306.
14. НИОР РГБ. Ф. 113 (собр. Иосифо-Волоколамского монастыря). № 433, Торжественник триодный⁵¹ (далее — *Волок433*), 1535 г. Л. 198–211.
15. НИОР РГБ. Ф. 236 (собр. А. Н. Попова). № 148, Торжественник общий*, ок. 1440–1450 гг. Л. 425 об.–433 об.
16. НИОР РГБ. Ф. 310 (собр. В. М. Ундольского). № 561. Торжественник триодный⁵², последняя четверть XV — начало XVI вв. Л. 522–536 об.
17. НИОР РГБ. Ф. 310 (собр. В. М. Ундольского). № 564. Торжественник триодный⁵³ (далее — *Унд564*), рукопись без конца, конец XV — начало XVI вв. Л. 236 об.–239 об.
18. НИОР РГБ. Ф. 310 (собр. В. М. Ундольского). № 1249. Торжественник триодный и Синаксарь, XVI в. (многие утраченные листы дописаны в XVIII в.). Л. 284.–295.
19. НИОР РГБ. Ф. 218 (собр. Отдела рукописей). № 1133. Торжественник триодный⁵⁴, рукопись без начала и конца, вторая половина XVI в. Л. 246 об.–270 об.
20. НИОР РГБ. Ф. 247 (собр. Старообрядческой общины при Рогожском кладбище). № 558. Торжественник триодный и Синаксарь, рукопись без конца, третья четверть XVI в. Л. 345 об.–361.
21. НИОР РГБ. Ф. 37 (собр. Т. Ф. Большакова). № 412. Торжественник триодный⁵⁵ (далее — *Больш412*), первая половина XVII в. Л. 366–377 об.
22. ОР РНБ. Ф. 550 (Основное собрание рукописной книги, далее — ОСРК). № F.I.224. Торжественник триодный⁵⁶, ок. 1560–1570 гг. (из собр. Ф. А. Толстого). Л. 339 об.–351.
23. ОР РНБ. Ф. 550 (ОСРК). № F.I.895. Торжественник общий*⁵⁷, последняя треть XV в. Л. 631–640.
24. ОР РНБ. Ф. 588 (собр. М. П. Погодина). Оп. 2. № 199. Торжественник триодный⁵⁸, 1541 г. Л. 447 об.–461 об.
25. НИОР БАН. Ф. 1 (Архангельское собр.). № Д40. Торжественник триодный⁵⁹, 1480–1490-е годы. Л. 213–220 об.

⁵⁰ Алексеева Т. Д. Сборники постоянного и варьирующегося состава со словами Кирилла Туровского // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976. Вып. 2, ч. 1. С. 248–253; *Čertorickaja T. V.* Op. cit. № 9.010. S. 556–557.

⁵¹ Иосиф, иеромон. Указ. соч. С. 61–65.

⁵² Ундольский В. М. Указ. соч. С. 418–423.

⁵³ Там же. С. 425–429.

⁵⁴ [Тихомиров Н. Б.] Новые поступления // ЗОР ГБЛ. М., 1963. Вып. 26. С. 299–303.

⁵⁵ Георгиевский Г. П. Рукописи Т. Ф. Большакова... С. 344–345.

⁵⁶ Обстоятельное описание... Отд. I. № 106. С. 51–59.

⁵⁷ Отчет ИПБ за 1909 год. Пг., 1915. С. 114–136; *Čertorickaja T. V.* Op. cit. № 9.036. S. 578–579.

⁵⁸ Рукописные книги собрания М. П. Погодина: каталог. Л., 1988. Вып. 1 / ред. О. В. Творогов и В. М. Загребин. С. 145–148.

⁵⁹ Описание рукописного отдела Библиотеки академии наук СССР. Л., 1989. Т. 8, вып. 1: Рукописи Архангельского собрания / сост. А. А. Амосов и др. С. 44; *Čertorickaja T. V.* Op. cit. № 9.012, S. 558–559.

26. НИОР БАН. Ф. 1 (Архангельское собр.). № Д108, Торжественник триодный⁶⁰ (далее — *Арх108*), 1580-е годы. Л. 340–352 об.
27. НАРК. Ф. 889. Оп. 1. № 30(27). Торжественник общий*⁶¹, конец XV — начало XVI вв. Л. 557 об.–567.
28. ОР НБСГУ. № 227. Сборник, содержащий Никодимово Евангелие и Торжественник триодный⁶², рукопись из собр. П. М. Мальцева, третья четверть XVI в. Л. 127 об.–149.
29. ГАТО. Ф. 1409. Оп. 1. № 981. Сборник «Рай» на основе Торжественника триодного⁶³, 1530–1540-е годы. Л. 418–426.
30. НИОР РГБ. Ф. 228 (собр. Д. В. Пискарева). № 129. Златоуст⁶⁴, конец XVI — начало XVII вв. Л. 843 об.–859 об.

II. *Минейные* (12 списков):

31. НИОР РГБ. Ф. 310 (собр. В. М. Ундольского). № 560. Торжественник минейный⁶⁵ (далее — *Унд560*), вторая половина XV в. Л. 294–304.
32. НИОР РГБ. Ф. 299 (собр. Н. С. Тихонравова). № 235. Торжественник общий* (далее — *Тих235*), 1596 г. Л. 824 об. — 827 об.⁶⁶, писец Евстрат.
33. ОР РНБ. Ф. 550 (ОСРК). № F.I.900, Торжественник общий и Синаксарь*⁶⁷, последняя треть XV в. Л. 536 об.–544 об.
34. ОР РНБ. Ф. 588 (собр. М. П. Погодина). Оп. 2. № 817. Торжественник минейный⁶⁸ (далее — *Погод817*), вторая половина XVI в. Л. 282 об.–286 об.
35. НИОР РГБ. Ф. 304. I (собр. Троице-Сергиевой Лавры). № 678 (далее — *ТСЛ678*). Минейя четья на июль⁶⁹, конволют XV и XVI вв. Л. 277–296 об.
36. НИОР РГБ. Ф. 173.I (собр. Московской духовной академии). № 95 (далее — *МДА95*). Минейя четья на июль⁷⁰, 1558 г. л. 229 об.–244 об. Переписана с *ТСЛ678*, писцы Иоасаф и Фирс.
37. ОР РНБ. Ф. 728 (библиотека Новгородского Софийского собора). № 1323. Минейя четья на июль из Софийского свода Великих Миней

⁶⁰ Описание рукописного отдела Библиотеки академии наук СССР... С. 123–130.

⁶¹ Список известен мне по фотокопии. Описание: Памятники книжной старины русского севера: коллекции рукописей XV–XX веков в государственных хранилищах Республики Карелия / сост., отв. ред. и авт. предисл. А. В. Пигин. СПб., 2010. С. 103–118.

⁶² Этот сборник, не имеющий печатного описания, указан мне А. А. Туриловым.

⁶³ Классификация сборника дана по описанию Г. С. Гадаловой, полагающей, что сборник представляет собой конволют, собранный в третьей четверти XVII в.: Славяно-русские рукописные книги XIV–XVI веков в хранилищах Тверской земли: каталог / И. В. Поздеева (ред.). Тверь, 2012. № 79. С. 157–163.

⁶⁴ *Čertorickaja T. V.* Op. cit. № 12.001. S. 673–675.

⁶⁵ *Ундольский В. М.* Указ. соч. С. 412–418.

⁶⁶ Краткое описание: *Георгиевский Г.* Собрание Н. С. Тихонравова. [Вып.] 1. С. 37.

⁶⁷ Отчет ИПБ за 1909 год. Пг., 1915. С. 94–114; *Čertorickaja T. V.* Op. cit. № 9.037. S. 580–581.

⁶⁸ Рукописные книги собрания М. П. Погодина: каталог. СПб., 2010. Вып. 4 / ред. О. В. Творогов и др. С. 52–58.

⁶⁹ Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М., 1878. Ч. Б, отд. VII. С. 33–35.

⁷⁰ *Леонид (Кавелин), архим.* Сведения о славянских рукописях... С. 54–60.

- четьих⁷¹ (далее — *Соп1323*), 1538–1541 г. Л. 134 об.–138 об., писец Аркадий.
38. ОР РНБ. Ф. 550 (ОСРК). № F.I.686. Минея четья на июль⁷², рукопись из собр. П. Д. Богданова, 1594 г. Л. 163 об.–177 об.
39. ОР РНБ. Ф. 717 (библиотека Соловецкого монастыря). № 516/535. Минея четья на июль⁷³ (далее — *Сол516*), XVII в. Л. 145 об.–158.
40. ОРСК ГИМ. Синодальное собр. № 182. Минея четья на июль⁷⁴ из Царского свода Великих Минеи четьих (далее — *Син182*), середина XVI в. Л. 248 об.–255.
41. ОРСК ГИМ. Синодальное собр. № 996. Минея четья на июль⁷⁵ из Успенского свода Великих Минеи четьих (далее — *Син996*), середина XVI в. Л. 188 об.–193 об.
42. ОРСК ГИМ. Собр. Чудова монастыря. № 316. Минея четья на июль⁷⁶ из комплекта Годуновских миней (далее — *Чуд316*), 1600 г. Л. 496–509.

III. Некалендарные сборники (3 списка):

43. РГАДА. Ф. 196 (собр. Ф. Ф. Мазурина). Оп. 1. № 616. Сборник богословско-энциклопедический⁷⁷ (далее — *Маз616*), третья четверть XVI в. Л. 164 об.–189 об.
44. ВСМЗ. Фонд рукописной книги. № В–5636/77. Патерик Сводный с дополнительными статьями⁷⁸ — житиями и поучениями из минейного и триодного Торжественников (далее — *В5636*), последняя четверть

⁷¹ *Абрамович Д. И.* Указ. соч. С. 131–154.

⁷² *Бычков И. А.* Каталог собрания славяно-русских рукописей П. Д. Богданова. СПб., 1891. Вып. 1. С. 51–53.

⁷³ [*Порфирьев И. Я., Вадковский А. В., Красносельцев Н. Ф.*]. Указ. соч. № 634 (516). С. 451–457.

⁷⁴ *Протасьева Т. Н.* Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). М., 1970. Ч. I. № 804. С. 203–205.

⁷⁵ Описание состава: *Иосиф (Левичкий), архим.* Подробное оглавление Великих Четьих Минеи Всероссийского Митрополита Макария, хранящихся в Московской Патриаршей (ныне Синодальной) библиотеке. М., 1892. С. 293–394; *Протасьева Т. Н.* Описание рукописей Синодального собрания... № 794. С. 185–186; описание филиграней: *Костюхина Л. М.* Палеография русских рукописных книг XV–XVII вв.: Русский полуустав. М., 1999. С. 61–62.

⁷⁶ *Протасьева Т. Н.* Описание рукописей Чудовского собрания. С. 184–185.

⁷⁷ В предисловии к сборнику (л. 3) он назван «Кормчий душам», в оглавлении (л. 10) — «Кормитель душам и наставник» (по первому тексту сборника). Сборник указан А. А. Туриловым. Кодекс датирован и детально описан Л. В. Мошковой, любезно познакомившей меня с этой неопубликованной работой; о составе и истории бытования сборника: *Темчин С. Ю.* Кириллический рукописный учебник древнееврейского языка (XVI в.): публикация и общая характеристика памятника // *Naujami kalbų ir kultūrų tyrimai (Kalbų ir kultūrų sankirtų archyvai, kn. 4) / Meiliūnaitė V., Morigzova N. (eds.).* Vilnius, 2012. С. 137–142; об истории приобретения рукописи: *Шибанов П. П.* Полвека со старой книгой и ее друзьями // Книга: Исследования и материалы. Вып. XXIV. Москва, 1972, С. 178–179.

⁷⁸ Как «Патерик Скитский» сборник определен в соответствии с записью XVIII в. на л. I. Так же кодекс классифицируется в печатном описании С. И. Недешева и в составленном С. П. Гордеевым карточном описании, хранящемся в музее. О составе сборника: *Недешев С.* Краткое описание рукописей церковно-исторического древлехранилища при Братстве... Александра Невского. Владимир, 1906. Вып. 1. № 133. С. 122–137.

XV в. (кроме оглавления на л. 1–10, датируемого последней четвертью XVII в.). Л. 356–366.

45. ОР РНБ. Ф. 550 (ОСРК). № F.IV.835. Сборник историко-гомилетический⁷⁹ (далее — *РНБ835*), ок. 1645 г. Л. 379–383 об.

Сопоставление составов некоторых сборников не раз становилось предметом внимания археографов и текстологов⁸⁰, но присутствие в перечисленных кодексах «Слова о четвертом соборе...», переводной «епистолии» папы Льва и комментариев Феодосия Грека до последнего времени в историографии систематически не прослеживалось. Все эти произведения, как свидетельствуют вышеперечисленные рукописи, в XV–XVII вв. в качестве целостного корпуса регулярно включались русскими книжниками в уставные четьи сборники. Однако в каталоге Т. В. Черторицкой корпус из четырех отмеченных выше текстов структурирован своеобразно и не вполне оправданно, поскольку исследовательница выделила «Слово о Халкидонском соборе» как самостоятельное произведение⁸¹, потом все четыре памятника как одно целое, тем самым еще раз учтя «Слово...»⁸², затем отдельно предисловие переводчика под названием «Сказание римския епистолии»⁸³, и, наконец, перевод послания Льва Великого в соединении с послесловием Феодосия⁸⁴. Обращение к рукописям показывает, что книжники XV–XVII вв., как правило, ясно осознавали различия между названными произведениями, отделяя их друг от друга киноварными заголовками.

Обобщив наблюдения над составом перечисленных кодексов, уточним сведения о составляющих корпуса, приведенные в каталоге Т. В. Черторицкой (см. табл. 1 на с. 59). Здесь мы пренебрежем вариациями орфографии писцов, передав заглавия частей корпуса современной русской графикой (наши уточнения названий приведены в квадратных скобках).

Происхождение и бытование рукописей, содержащих корпус, позволяет заключить, что названные произведения неоднократно переписывались и читались в монастырях Москвы, Великого Новгорода и других крупных городов, а также на русском Севере. В частности, такие сборники находились в библиотеках Антониева-Сийского (*Арх108*), Воскресенского Новоиерусалимского (*Воскр109*), Иосифо-Волоколамского (*Волок431*, *Волок433*), Соловецкого (*Сол516*) и Троице-Сергиева монастырей (*ТСЛ678*, *МДА95*), а в 1596 г. список Торжественника *Тух235*, куда корпус также вошел, переписал, согласно выходной записи, в Глушицком Сосновецком (Дионисиеве) монастыре Иоанна Предтечи близ города Кадчиково под Вологодой иеромонах Евстрат «по реклом» Лобан, причем, вероятно, эта рукопись размером 20×14 см предназначалась для келейного чтения. Некоторые рукописи, согласно владельческим записям, бытовали на территории

⁷⁹ В печатном описании сборник назван Хронографом: Отчет ИПБ за 1902 год. СПб., 1910. С. 168–176.

⁸⁰ Об этом: Полонский Д. Г. Указ. соч. С. 136–137.

⁸¹ *Čertorickaja T. V.* Op. cit. № 18.0.05.

⁸² Там же. № 18.0.06.

⁸³ Там же. № 18.0.07.

⁸⁴ Там же. № 18.0.08.

Структура корпуса, включающего славянский перевод Томоса

Заголовок (название) части корпуса	Начальные слова	Заключительные слова
О четвертом соборе, иже в Халкидоне, слово святых отец 630 [Слово о Халкидонском соборе]	Святые же и вселенский четвертый собор быти в Халкидоне при Маркиане, благочестивом цари и при Леон(т)е, папе Римском...	Тогда бо абие и от Рима посланая Леонтом, папой римским, епистолия приспе, ея же весь святые вселенский четвертый сей собор почет и столпом правоверия нарекоша...
Сказание римския епистолия [Предисловие Феодосия Грека]	Понеже твое благородное боголюбие по уверзением речения к Христу разгараяся...	И безмолвия не имьи на ясность проудобреному сему коварьству, моля же убо за нас, зазором буде неумением наше, но прошением написано сие
Предисловие. Блаженного папы Леонта, старейшего великого Рима Изложенное послание, иже в святых к Флавиану, архиепископу Константинограда, на Евтихия суемудрого и на единомысленныя его епистолия [Перевод Томоса]	Почетше писание твоея любви, немало почудихомся закоснения того делма толика времени...	Тогда поистине отмстит же, егда первый злчестия начальник своим зловерием препрится...
Феодосие [послесловие Феодосия Грека]	Разум же убо сицев есть о сей вещи...	Евангельския же ради заповеди сие послание, аки талант торжником нам предавшему христоролюбивому и благородному Святоши вечная память, люди(е), вечная память

Великого княжества Литовского, причем в светской, мирской среде. Так, сборник *Мазб16*, созданный, вероятно, в белорусских землях, в 1656 г. был куплен в Вильне князем Семеном Александровичем Вадбольским⁸⁵, а запись западнорусской скорописью конца XVII в. — начала XVIII в. в *Унд564* (л. 220) свидетельствует, что этот Торжественник находился в пользовании бакалавра Симона Ершевича.

Календарные сборники уставных чтений составляют наиболее представительную часть кодексов, в состав которых входит интересующий нас корпус. Выявление большинства списков стало возможным благодаря тому, что удалось установить закономерности включения славянского перевода Томоса папы Льва и его историко-литературного конвоя в сборники, формировавшиеся согласно двум различным календарным принципам. В соответствии с месяцесловами в тех сборниках, где чтения располагались

⁸⁵ Анализ владельческих записей в связи с историей происхождения *Мазб16* приведен в работе: Темчин С. Ю. Указ. соч. С. 137–139.

на основании лунного календарного цикла (триодные Торжественники, триодные части Торжественника общего, Златоуст), корпус находится среди воскресных чтений в Неделю свв. Отцов (седьмую неделю после Пасхи), поскольку этот день традиционно связан с памятью об эпохе патристики, а в сборниках, чтения в которых приурочены к солнечному календарю (минейные Торжественники, минейные части Торжественника общего, Минеи четьи), корпус находится среди чтений на 16 июля. Это соотношение чтений с календарными циклами подчинялось церковным уставам: в Студийском уставе этот день понимался как подвижный праздник, а Устав Великой церкви предусматривал для памяти IV Вселенского собора в Халкидоне, на постановления которого Томос папы Льва оказал решающее воздействие, 16 июля как постоянную дату празднования, тогда как в календарях Иерусалимского устава эта же дата трактовалась более широко — как день памяти свв. отцов шести Вселенских соборов⁸⁶.

Ранее, чем в прочих календарных сборниках, «епистолия» папы Льва вместе с ее конвоем встречается в составе триодных Торжественников — не позднее, чем в первой четверти XV в., причем на сборники этого типа приходится наибольшее число списков: 27 триодных Торжественников либо их фрагментов в составе Торжественника общего (из 30 триодных сборников). К старшим спискам в группе триодных Торжественников относятся *Увар509* (единственный пергаменный из всех списков), *Елаг111* и *Пер3*. В состав минейных Торжественников вхождение переводной «епистолии» произошло не позднее второй половины XV в. (*Унд560*); а затем в первой четверти XVI в. памятник вошел в Минеи четьи, что показывает состав *ТСЛ678*: здесь, как следует из кодикологического анализа А. М. Молдована, «епистолия» папы Льва и ее конвой находятся на листах поздней части этого кодекса-конволюта и выполнены в 1520-е годы двумя писцами под редакцией третьего⁸⁷. Затем в 40–50-е годы XVI в. корпус целиком был включен под 16 июля во все три комплекта июльских кодексов Великих Миней Четых (*Соф1323*, *Син182*, *Син996*), а в 1600 г. под тем же днем вошел в июльский кодекс Годуновских Миней четых (*Чуд316*).

Таким образом, широкое распространение памятника обусловлено восточнославянской книгописной традицией составления сборников уставных чтений. При этом в календарных сборниках, как триодных, так и минейных, просматривается схожая композиция статей: корпус сочинений, связанных с Халкидонским собором, как правило, завершает гомилетический цикл чтений о Вселенских соборах, причем текст, предшествующий «Слову о четвертом соборе...» (и, соответственно, всему корпусу), почти во всех случаях один и тот же. Это приписываемая Кириллу Александрийскому (ок. 376–444) «Беседа», посвященная прославлению Богородицы и отцов

⁸⁶ *Лосева О. В.* Русские месяцесловы XI–XIV веков. М., 2001. С. 47, 384. Ср.: *Пентковский А. М.* Типикон патриарха Алексея Студита в Византии и на Руси. М., 2001. С. 107–108; *Христова-Шомова И.* Служебният Апостол в славянската ръкописна традиция. София, 2012. Т. II. С. 794–796, 803–804.

⁸⁷ *Молдован А. М.* К истории составления Троицкой Минеи № 678: (Значение ее для текстологического исследования произведений митрополита Илариона) // ЗОР ГБЛ. М., 1981. Вып. 42. С. 65–70.

III Вселенского собора в Эфесе (431 г.)⁸⁸, которой, в свою очередь, в ряде сборников предшествует гомилия Кирилла Туровского (ок. 1130 — ок. 1182) с похвалой отцам I Вселенского собора в Никее (325 г.)⁸⁹.

Однако ключевая особенность, отличающая «епистолию» Льва Великого в ряду других поучений, входивших в Торжественники и Минеи четьи, состоит в том, что только перевод Томаса был предварен введением, объясняющим историко-догматический контекст появления этого послания, а также сопровождается комментариями переводчика в форме предисловия и послесловия. Кроме того, в рукописной традиции бытования корпуса книжниками регулярно воспроизводилось важное указание, свидетельствующее о практике устного чтения. Послесловие и, соответственно, корпус в целом завершаются «гимнообразной похвалой» сочинению папы Льва и «личным посвящением» Николе Святоше⁹⁰, причем последнему в большинстве рукописей предшествует писцовая помета, либо включавшаяся в текст, либо выносившаяся на поля под знаком вставки: «Сие рцы высокогласно (зѣло)». Такая помета (с различными вариациями орфографии, иногда с усиливающим дополнением, иногда без него) встречается уже в старших списках первой четверти XV в.: она присутствует в *Перз* (л. 11 об.), а также явно находилась изначально и в рукописи *Увар509*, где на верхнем поле на л. 310 видны следы стершихся букв, отчетливо читается только часть слова «высоко» (в публикации О. М. Бодянского это не отмечено). Вне зависимости от типа четьего сборника, та же помета неоднократно воспроизводилась в рукописях XV–XVI вв., например, в некалендарном сборнике *B5636* (л. 366), триодном Торжественнике *Волок431* (л. 305 об.), Минее четьей *Син182* (л. 255). Помещена помета и в самых поздних из известных мне списков XVII в. *Сол516* (л. 158) и *Больш412* (л. 377 об.).

В восточнославянской письменности неизвестны другие случаи, когда посвященное догматическим вопросам переводное эпистолярное произведение приобретало бы аналогичный по содержанию конвой, и при этом за счет включения в круг учительных текстов и традиции чтения вслух фактически меняло жанровую принадлежность, выполняя вместе с этим конвоем функцию целостного памятника гомилетики. В этом смысле корпус связанных с «епистолией» памятников обладает особой, нетривиальной композицией и историей бытования по сравнению с другими поучениями, включавшимися в календарные сборники уставных чтений.

⁸⁸ *Čertorickaja T. V.* Op. cit. № 18.0.02, 18.0.015. S. 418, 422–423; Каталог памятников... С. 218–219. Иногда «Беседа» фигурирует в рукописях как «Слово», а в некоторых случаях ее авторство приписывается не патриарху Александрийскому Кириллу, а соименному епископу Иерусалимскому (ок. 315–386): *Черторицкая Т. В.* Четьи сборники в составе Великих Минеи Четых митрополита Макария // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46. С. 104. Атрибуция Кириллу Александрийскому греческого оригинала гомилии отвергается в работах: *Ehrhard A.* Eine unechte Marienhomilie des hl. Cyrill von Alexandrien // RQ. 1889. S. 97–113; *Du Manoir de Juaye H.* Dogme et spiritualité chez saint Cyrille d'Alexandrie. Paris, 1944. P. 59–60.

⁸⁹ *Čertorickaja T. V.* Op. cit. № 18.0.03. S. 418; Каталог памятников... С. 225. К исключениям в этом ряду относятся рукописи *Тух420* и *Воскр109*, где изложение событий на Халкидонском соборе предшествует Слову Кирилла Туровского об отцах I Вселенского собора в Никее.

⁹⁰ *Подскальски Г.* Указ. соч. С. 297.

Как полагала И. М. Грицевская, подготовившая для каталога Т. В. Черторицкой раздел «Авторские атрибуции», корпус произведений, связанных с переводом Томоса Льва Великого, входил «в состав триодных уставных чтений как целиком..., так и тремя отдельными частями, одной из которых является послание Льва Великого...»⁹¹. Выявление списков, которые не привлекали к рассмотрению Т. В. Черторицкая и И. М. Грицевская, позволяет уточнить это замечание. В 41 из отмеченных выше списков корпус присутствует в полном составе, включая «Слово о четвертом соборе...», предисловие Феодосия Грека, «епистолию» папы Льва I и послесловие переводчика. Следовательно, подавляющее большинство рукописей содержат четыре, а не три части названного корпуса, который явно понимался книжниками как целостно организованный комплекс памятников. Еще три известные нам рукописи являются дефектными, однако характер дефектов различен. В *Унд564* на л. 239 об. из-за утраты листов текст «епистолии» обрывается, а в кодексе *Погод817* на л. 286 об. незавершенность списка обусловлена сознательным пропуском писца, который привел лишь пять первых строк перевода папского послания, оставив на листе место для последующего текста, но по неизвестным причинам не закончил его. Соответственно отсутствует в двух этих кодексах и послесловие переводчика. Дефект рукописи *Лук85* иной: здесь присутствуют «Слово о Халкидонском соборе...», предисловие и послесловие Феодосия, но полностью опущен перевод «епистолии», что, по-видимому, следует объяснить особенностями работы писца Ивана Михайловича, который многократно отвлекался от своего труда, записывая на полях кодекса жалобы на утомление, голод и похмелье. Наконец, уникальным в этом ряду оказывается состав написанного в XVII в. некалендарного сборника *РНБ835*: здесь помещены только «епистолия» Льва Великого и послесловие Феодосия (т. е. опущены «Слово о четвертом соборе...» и предисловие), причем текст расположен между известными русскими сочинениями XV–XVI вв.: посланиями Димитрия Грека архиеп. Новгородскому Геннадию о белом клубуке⁹² и старца Филофея дьяку М. Г. Мунехину с догматическими возражениями в отношении мер, предпринятых дьяком против морового поветрия в Пскове⁹³. Вероятно, составителя или заказчика кодекса особо интересовали догматические эпистолярные произведения, вне зависимости от истории и времени их создания. Тем не менее грамоте Димитрия Грека предшествуют рассказ о крещении князя Владимира (в минейных Торжественниках и Минеях четых помещавшийся под 15 июля), за которым следует указанная выше гомилия Кирилла Туровского. Следовательно, можно полагать, что составитель *РНБ835* выписал эти сочинения, как и «епистолию» папы Льва, из какого-то минейного сборника.

Таким образом, во всех известных нам случаях исключение тех или иных текстов из корпуса связанных с «епистолией» статей происходило

⁹¹ Грицевская И. М. Авторские атрибуции // *Čertorickaja T. V.* Op. cit. S. 762.

⁹² Лурье Я. С. Повесть о белом клубуке // СККДР. Л., 1989. Вып. 2, ч. 2. С. 214–215; Буланин Д. М., Творогов О. В. Библиографические дополнения... // СККДР. СПб., 2012. Вып. 2, ч. 3. С. 326–327.

⁹³ Публикация: Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901. Прил. IV. С. 26–32.

вследствие индивидуальных предпочтений составителей, особенностей работы писцов либо утрат листов в отдельных кодексах, и традиций бытования памятника не образовывало.

Эти наблюдения позволяют дополнить обращение к некалендарным сборникам. В рукописи *B5636* (запись почерком XVIII в. на л. I определяет кодекс как «Патерик скитский»⁹⁴) присутствуют дополнительные по отношению к патериковым чтениям статьи, последовательно включающие «Беседу» Кирилла Александрийского, «Слово о четвертом соборе...», «епистолию» папы Льва вместе с комментариями Феодосия Грека, а также гомилию Кирилла Туровского об отцах Никейского собора. Характер такого дополнения понятен: после сборника святоотеческих рассказов составитель владимирского кодекса обоснованно поместил блок поучений, читавшихся на Неделю свв. отцов и явно заимствованный из триодного Торжественника.

Иначе организован особый состав сборника *Маз616*. Здесь корпус чтений, связанных с Халкидонским собором, целиком помещен среди памятников, сохранившихся в составе Изборника 1073 г. (где «епистолия» папы Льва, конечно, отсутствует): после трактата «О с(вя)тых и о мирских шести соборах» и перед «Написанием о правой вере» Михаила Синкелла⁹⁵. В *Маз616* на левом поле л. 164 об. напротив заголовка «Слово о четвертом соборе Халкидоньстем» помещено указание киноварью: «в Григор(ии) Б(о)госл(ове)», смысл которого становится ясен из другого указания на л. 143 об., где о поучении Михаила Синкелла «О, боголюбивый человече...» отмечено: «от шестаго псалма, и в Григории Богослове в книзе выписано есть». По-видимому, переписчик *Маз616* почерпнул корпус связанных с переводом Томаса папы Льва сочинений из неизвестного нам сборника, в котором основное содержание составляли переводные сочинения Григория Богослова. Это позволяет надеяться, что сборники поучений этого автора, содержащие дополнительные статьи, могут оказаться источниками не выявленных пока списков корпуса.

Итак, сведения о славянских рукописях славянского перевода Томаса папы Льва Великого вместе с его историко-литературным конвоем, систематизированные в настоящей работе в объеме 45 списков, не только позволили выяснить историю бытования памятника, но и создают основу для подготовки его современного критического издания, необходимого для будущего полноценного лингвотекстологического исследования. Вместе с тем наблюдения над принципами включения памятника в сборники уставных чтений открывают возможности выявления новых, еще не обнаруженных списков «епистолии».

---

⁹⁴ Так же кодекс классифицируется как в печатном описании С. И. Недешева, так и в составленном С. П. Гордеевым карточном описании, хранящемся в музее.

⁹⁵ Шапов Я. Н. «Написание о правой вере» Михаила Синкелла в Изборнике 1073 г. и Древнеславянской кормчей Ефремовской редакции // Изборник Святослава 1073 г.: сб. ст. М., 1977. С. 332–341.

И. Г. Пономарева

О ПРОИСХОЖДЕНИИ МОСКОВСКИХ «УКРЕПЛЕННЫХ» ГРАМОТ

В исторической литературе с XIX в. встречаются упоминания о группе однотипных документов 1474–1581/82 гг., составленных от имени представителей московской знати и именуемых историками, по употребленному в некоторых из них самоназванию, «крестоцеловальными записями»¹. Сохранился соответствующий им по форме и содержанию формуляр². Используемое в историографии название («крестоцеловальные записи») неудачно. Во-первых, оно не отражает содержания этих документов и не характеризует их как особую разновидность актов. Во-вторых, провоцирует отнесение к этой группе любого документа, составление которого сопровождалось распространенной в Средневековье клятвой во исполнение — целованием креста. Рассматриваемыми грамотами по ходатайству высших церковных иерархов оформлялось прощение служилого человека его «вины». При этом человек давал обещание служить до смерти, принимая ряд традиционно сопрягаемых с вассальной службой обязательств. Таким образом, как отметил на примере формуляра Л. В. Черепнин (именные «крестоцеловальные записи» им не привлекались), грамоты включали две части: отпуск вины и вассальную присягу³. Для их определения можно предложить другое встречающееся в самих актах самоназвание — «укрепленная грамота»⁴ (со временем слово «грамота» постепенно заменяется на «запись», определение «укрепленная» после 1566 г. не используется, один акт называется «проклятая грамота»⁵), на современном языке акты

¹ К настоящему времени составлены три перечня опубликованных актов этой группы. Они нуждаются в корректировке: Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века (далее — РФА). 1-е изд. М., 1986. Ч. 1 / подгот. текста А. И. Плигузов, Г. В. Семенченко, Л. Ф. Кузьмина. С. 990; *Филлюшкин А. И.* Институт крестоцелования в средневековой Руси // Клио. 2000. № 2. С. 48, примеч. 55; *Стефанович П. С.* Князь и бояре: клятва верности и право отъезда // Горский А. А., Кучкин В. А., Лукин П. В., Стефанович П. С. Древняя Русь: Очерки политического и социального строя. М., 2008. С. 194. Акты составлены от имени представителей княжеско-боярской аристократии, с незначительным преобладанием князей.

² РФА. № 46. С. 175; 2-е изд. / сост. и подгот. текста А. И. Плигузов; научн. ред. А. В. Кузьмин. М., 2008. Ч. 1. № 46. С. 184–185.

³ *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М.; Л., 1950. Ч. 2. С. 297; СГГД. М., 1813. Ч. 1. № 103, 146, 149, 152–154, 159, 162, 165, 172, 177, 182, 189, 196, 201.

⁴ Первым на этот термин обратил внимание П. С. Стефанович (Указ. соч. С. 194).

⁵ СГГД. № 162, 189, 196, 201. Название «проклятая» связано со словесной формулой, предвещающей дурное лицо, нарушившему договор. Впервые она встречается в договоре русов с греками 944 г., где нарушитель «будет клят от Бога и от Перуна» (ПСРЛ. М., 1997. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Стб. 53; М., 1998. Т. 2: Ипатьевская летопись. Стб. 41). В договорной традиции проклятье выступает антитезой благословию.

можно назвать «укрепляющими». Содержание актов позволяет разделить их на две группы: «укрепленные грамоты по вине» и просто «укрепленные грамоты». Последнее название носит единственный дошедший до нас документ такого рода, составленный от имени князя Ивана Федоровича Мстиславского (1529 г.) и содержащий его присягу. Для упрощения и во избежание путаницы подобные ему акты можно называть «присяжными грамотами», оставив название «укрепленные грамоты» для актов, совмещающих прощение вины и присягу. В этой статье используется предложенная классификация: «укрепленная грамота», «присяжная грамота».

Историки XIX в. сошлись во мнении, что укрепленные грамоты появились при Иване III. Н. П. Загоскин предположил, что их брали со служилых людей, в чьей верности сомневались. Не отмечая разницу между укреплением «по вине» и укреплением-присягой вновь поступавшего на службу, он объединял оба вида грамот общим названием «клятвенная запись»⁶. В. И. Сергеевич пришел к заключению, что появление рассматриваемых актов, хотя еще не отменяло права отъезда, узаконивало преследование желающих им воспользоваться, и отметил, что великий князь прибегал иногда к принудительному оформлению таких документов. С его выводами согласился М. А. Дьяконов⁷. С. Б. Веселовский первым использовал сохранившийся формуляр для реконструкции текста вассальной присяги, которую приносили служилые люди «в первой половине XV в., а, может быть, и ранее»⁸. Наибольший вклад в изучение укрепленных грамот внес Л. В. Черепнин, трактовавший текст формуляра как наследственный договор о службе (что соответствует мнению С. Б. Веселовского). Черепнин впервые указал на существование подобных грамот у московских государей (в летописях грамоты названы «проклятыми»), но исследовал их и формуляр вне связи друг с другом⁹. А. И. Плигузов подробно разобрал структуру формуляра, также отметив присутствие в нем текста присяги и связав, как и историки XIX в., эти акты с лишением служилых людей права отъезда¹⁰. По мнению А. И. Филюшкина, «крестоцеловальные записи» удельной эпохи, когда целью их стало скрепление клятвой верности, стали называться «укрепительными», а в случае обещания проклятья за неисполнение клятвы — «проклятыми»¹¹. П. С. Стефанович, ссылаясь на грамоту 1371 г. великого князя литовского Ольгерда константинопольскому патриарху¹², свидетельствующую о знакомстве в Московской Руси с практикой присяги представителей западнорусской знати великому литовскому князю, сделал вывод о появлении в Москве, благодаря литовскому влиянию,

⁶ Загоскин Н. Очерки организации и происхождения служилого сословия в допетровской Руси. Казань, 1875. С. 117–118.

⁷ Дьяконов М. А. Власть московских государей: Очерки из истории политических идей древней Руси до конца XVI в. СПб., 1889. С. 198.

⁸ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 251, 466.

⁹ Черепнин Л. В. Из истории древнерусских феодальных отношений XIV–XVI вв. // ИЗ. М., 1940. Т. 9. С. 56, 61; *Он же*. Русские феодальные архивы... М.; Л., 1948. Ч. 1. С. 144–146; Ч. 2. С. 297.

¹⁰ РФА. М., 1992. Ч. 5. С. 990.

¹¹ Филюшкин А. И. Указ. соч. С. 46.

¹² РИБ. СПб., 1908. Т. 6, ч. 1. Стб. 135–140.

ко второй половине XIV в. (в другом месте у Стефановича названо иное время — приблизительно начало XV в.) обычая укреплять верность знати с помощью присяги. Стефанович предположил, что внешнее влияние могло также «сказаться на форме и содержании московских крестоцеловальных записей, подавляющее большинство которых давалось знатными людьми либо литовского происхождения, либо заподозренными в тайных сношениях с Литвой». Возникновение обычая скреплять клятву верности крестоцелованием и порукой П. С. Стефанович, не находя в нем договорного начала и связи с эволюцией института сюзеренитета–вассалитета, сопрягает с противостоянием Москвы и Литвы в борьбе за объединение русских земель, видит в нем также средство укрепления центральной власти и обеспечения стабильности внутри элиты¹³. Рассматривая укрепленные грамоты через призму литовско-русских отношений, необходимо все-таки учитывать, что с конца XV в. безопасно можно было отъехать только в Литву¹⁴.

Самые ранние письменно оформленные присяги и «укрепления» связаны с Рюриковичами. Сохранилось несколько десятков актов XIV–XVI вв., составленных в основном от имени московских князей. Большинство грамот, оформляя отношения между великим князем и удельными князьями, наряду с другими частями включают текст присяги¹⁵, что позволяет классифицировать такие документы как договоры, устанавливающие либо подтверждающие отношения сюзеренитета–вассалитета (далее для краткости они названы «вассальными»). Из дошедших вассальных договоров самый ранний — докончание московского великого князя Семена Ивановича с его братьями 40-х годов XIV в., последний — договор 1531 г. великого князя Василия III с Юрием Ивановичем Дмитровским. В присяжной грамоте (в оригинале — «записи») Андрея Ивановича Старицкого 1537 г., где отсутствуют какие-либо обоюдные обязательства, упоминается о его докончании с Иваном IV¹⁶. Так как содержание докончания неизвестно, то можно лишь предполагать, что это последний вассальный договор московских князей. Позднейшие «записи» Андрея Ивановича Старицкого и его сына Владимира 1553–1554 гг.¹⁷ хотя и схожи с традиционными вассальными грамотами московских князей, но, как и запись 1537 г., содержат только обязательства удельных князей, что позволяет считать и эти акты присяжными грамотами.

¹³ Стефанович П. С. Указ. соч. С. 195–196, 198.

¹⁴ Дьяконов М. А. Указ. соч. С. 198.

¹⁵ Об институте присяги см.: Филошкин А. И. Указ. соч. С. 42–48; Стефанович П. С. Указ. соч. С. 164–209; Антонов Д. И. Клятва, присяга и крестоцелование в средневековой Руси (IX–XVII вв.): Общественная практика и ее культурное осмысление // Тр. ИАИ. М., 2011. Т. 38. С. 363–372.

¹⁶ ДДГ. М.; Л., 1950. № 2, 101; СГГД. № 163. Датировка грамоты Семена Гордого при публикации: Л. В. Черепнина — ок. 1350–1351 гг., В. А. Кучкина — 1348 г., К. А. Аверьянова — 1341 г. (ДДГ. С. 20–25; Кучкин В. А. Договор 1348 г. великого князя Симеона Ивановича с братьями Иваном Звенигородским и Андреем Серпуховским // СР. 2009. Вып. 8. С. 131–140; Аверьянов К. А. О степени достоверности «Жития Сергия Радонежского» // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2005. Сб. 12. С. 843–847).

¹⁷ СГГД. № 167–169. О них см.: Альшиц Д. Н. Крестоцеловальные записи Владимира Андреевича Старицкого и недошедшее завещание Ивана Грозного // ИСССР. 1959. № 4. С. 147–155.

Первое упоминание об укрепленных княжеских грамотах (в источниках они упомянуты как «проклятые») относится к 1446 г.¹⁸ В Сокращенном (конца XV в.) и Устюжском (первой четверти XVI в.)¹⁹ летописных сводах сообщается, что захвативший московский великокняжеский престол в результате заговора против Василия II 1445–1446 гг. галицкий удельный князь Дмитрий Юрьевич Шемяка, «сбравъ епископы всеи земли и честные игумены и прозвитеры и приехав на Угличе (туда был отослан Василий Темный. — *И. П.*) и укрѣпивъ великого князя крестным целованием и проклятыми грамотами», 15 сентября 1446 г. отпустил его на удел в Вологду²⁰. В Ермолинской летописи (конца XV в.) разъясняется цель приезда иерархов: Шемяка укрепил Василия II «крестнымъ целованіемъ и грамотами проклятыми и всѣхъ владыкъ поруками»²¹. Указание на поручительство клириков принципиально, так как именно укрепленные грамоты служилых людей оформлялись по ходатайству и поручительству представителей церкви. Далее в летописях об укреплении Василия II сказано еще раз, но менее информативно. Решив вернуть престол, он из Вологды направился в Кирилло-Белозерский монастырь, где игумен Трифон заявил, что «грѣх на мнѣ и на моеи братии главах, что еси целовал и крѣпость давал князю Дмитрию»²². Официальное московское летописание, подробно описывая раскаяние и смирение Василия II, о каких-либо документах умалчивает²³. Содержание этих грамот неизвестно. Выход на удел должен был традиционно сопровождаться заключением вассального договора, из чего следует, что либо «проклятыми» грамотами (множественное число — указание на обычную практику составления противней и экземпляров для обеих сторон) названо докончание обычного вида, дополненное статьями о проклятии в случае его нарушения и указанием на поручителей, либо, что вероятнее, имело место составление акта особого рода.

Первое достоверное свидетельство об этой новой разновидности актов связано с победой Василия II. После возвращения в начале 1448 г. в Москву великий князь направил войска на Галич. Дмитрий Шемяка, «убоявся начат мира просити и крест целовал и грамоты проклятые на себя дал». Эти грамоты не сохранились, но Л. В. Черепнин, рассмотрев все известия о княжеских документах 1447–1448 гг., урегулировавших взаимоотношения Василия Темного с заговорщиками, пришел к заключению, что в данном случае речь не идет об обычном вассальном договоре. Историк указал на три сохранившиеся «утверженные» (самоназвание) грамоты на имя союзника

¹⁸ О «проклятых» грамотах 1446 г., без выделения их в особую группу: *Зимин А. А.* Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М., 1991. С. 116.

¹⁹ Предисловие // ПСРЛ. М., 1982. Т. 37: Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. С. 3; *Лурье Я. С.* Летопись Устюжская // СККДР. Л., 1989. Вып. 2: Вторая половина XIV–XVI в., ч. 2. С. 67.

²⁰ ПСРЛ. М., 2007. Т. 27: Сокращенные летописные своды конца XV века. С. 273, 347; Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). М.; Л., 1950 (далее — УЛС). С. 80. Об укреплении крестоцелованием и проклятыми грамотами пишут Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского (без упоминания духовенства) и Софийская первая летопись по списку И. Н. Царского (ПСРЛ. М., 2004. Т. 43. С. 182; М., 1994. Т. 39. С. 146).

²¹ ПСРЛ. М., 2004. Т. 23. С. 153.

²² Там же. Т. 27. С. 273, 347; УЛС. С. 80.

²³ ПСРЛ. М., 2004. Т. 25: Московский летописный свод конца XV в. С. 267–268.

Шемяки можайского князя Ивана Андреевича практически одинакового содержания. Как показал Черепнин, они являются вариантами одного документа, который датируется временем после возвращения Василия II в Москву из похода на Галич (на Фоминой неделе: 31 марта — 6 апреля 1448 г.). В подтверждение своего вывода, Л. В. Черепнин отметил, что в грамоте нет конкретных договорных условий, а подтверждаются прежние договоры 1447 г. (перемирный июньский и сентябрьский вассальный²⁴). Содержание же «утвержденной» грамоты сводится к обязательствам взаимной верности и заклатью²⁵. В доказательство тождества ее с «проклятой» грамотой Шемяки Черепнин сослался на изложение части текста последней в сохранившемся отрывке послания митрополита (15 декабря 1448 г. — 13 апреля 1449 г.). Содержание грамоты Шемяки частично представлено и в летописании²⁶.

Л. В. Черепнин и А. А. Зимин датируют «утвержденную» грамоту Ивана Можайского временем после похода на Галич (начало 1448 г.), предполагая, что она появилась после шемякинской. Уточненная датировка Черепнина (31 марта — 6 апреля) не встретила поддержки у Зимина, который отодвинул позднюю границу составления документа до сентября²⁷. Между тем можно усомниться в предложенной последовательности актов. В грамотах Ивана Можайского говорится о посредничестве тверского великого князя и его супруги. Тесные контакты Василия II с Борисом Александровичем Тверским относятся к 1446–1447 гг.: из Кирилло-Белозерского монастыря Василий Васильевич направился к нему, и далее они действовали в союзе. Грамота можайского князя, скорее всего, была оформлена раньше шемякинской: после заключения традиционного вассального договора в сентябре 1447 г., но до начала похода, что не противоречит ее дате: 6956 г. (1 сентября 1447 — 31 августа 1448 г.). Естественно, что прежде чем нанести удар по Шемяке, Василий II предусмотрительно нейтрализовал его союзника.

Грамота Ивана Можайского (видимо, и Дмитрия Шемяки) состоит из упомянутых ранее двух частей (прощение вины и присяга), но не так ярко выраженных, как в «укрепленных» грамотах служилых людей, чему есть объяснение. Стороны представлены князьями, и структурно акты тяготеют к формуляру традиционных докончаний. Часть обязательств еще обоюдна (соблюдать договоренности, не помнить зла и не мстить), проклятье при нарушении грозит каждой из сторон. В одностороннем порядке Василий II обязался, как обычно, жаловать удельного князя, а Иван Андреевич принял обязательства по отношению к великому князю: «Не хотѣти никакова лиха, ни думат(и)...А хотѣти... добра во всем, вездѣ, без хитрости».

Первая дошедшая именная укрепленная грамота составлена в 1474 г., но сходство содержания «утвержденных» грамот удельных князей и «укрепленных» грамот служилой знати заставляет задуматься о возможной связи

²⁴ ДДГ. № 46, 48; *Зимин А. А.* О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XV вв. // ПИ. М., 1958. Вып. 6. С. 310–311.

²⁵ ДДГ. № 51 а–в. О датировке и взаимосвязи актов см.: *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы... Ч. 1. С. 144–146. А. А. Зимин, объединив грамоты в одну, называет их договором и датирует летом 1448 г. (*Зимин А. А.* Витязь на распутье. С. 131).

²⁶ РФА. № 7. II (датировка издателей); ПСРЛ. Т. 25. С. 269, 270.

²⁷ *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы... Ч. 1. С. 144; *Зимин А. А.* Витязь на распутье... С. 312.

между обстоятельствами и временем их появления. Принципиальное значение приобретает датировка формуляра, не имеющего даты. В частности, важно установить: был ли он создан на основе реального акта или являлся образцом, т. е. исходным документом? Древнейший список формуляра находится в сборнике грамот митрополичьей канцелярии²⁸ (далее — Син 562). В предисловии к публикации высказано предположение, что в сборник в основном вошли документы и изготовленные на документальной основе формуляры, которые могли служить образцами при составлении последующих грамот. О верности вывода свидетельствуют обнаруживаемые в документах сокращения, отсутствие начального и конечного протоколов, в отдельных формулярах даже сохранена дата лежащего в основе акта²⁹. Выявленная специфика сборника позволяет с большой долей вероятности считать, что и рассматриваемый формуляр сделан на основе конкретного акта.

По филиграням Син 562 датируется концом XV — началом XVI в. Л. В. Черепнин, решая вопрос о происхождении формуляра, указал на присутствие в сборнике записи о прощении Василием II введенного дьяка Алексея Стромилова в связи с его изменой летом 1454 г. Приставленный надзирать за арестованным Никитой Константиновичем Добрынским, участником заговора против великого князя 1445–1446 гг., дьяк вместе с ним бежал к Ивану Можайскому, который в том же году отъехал в Литву. Оставшийся Алексей Стромилев вынужден был обратиться за покровительством к митрополиту. Великий князь «пожаловал» дьяка, «милость показал... и... для отца своего Ионы митрополита смертную казнь ему отдал, а дал того Алексея и сына его Михаила, и с вотчиною, и со всем его животом... Ионе, митрополиту всеа Руси»³⁰. В 1497 г. потомок Алексея — Федор Стромилев, стал соучастником заговора внучатого племянника Никиты Добрынского — Владимира Гусева. Родственные связи заговорщиков, по мнению Черепнина, породили интерес к событиям середины века, что привело к появлению в митрополичьем архиве записи о прощении Алексея Стромилова. Историк связал происхождение формуляра с этими событиями и предположил, что, когда митрополит Симон «печаловался» за участников заговора Гусева, ему мог понадобиться документ такого рода³¹.

А. И. Плигузов отверг какую-либо связь между формуляром и записью о прощении дьяка, аргументируя это тем, что документы происходят из разных подборок, отделенных по времени создания четвертью века. Формуляр входит в древнейший блок — сборник митрополичьих посланий 1471 г., скопированный незадолго до 15 июля 1504 г., а запись о прощении дьяка — в материалы, переписанные в 1528–1530 гг. Она попала в Син 562 г. из «розни» митрополичьей канцелярии³². Связь между записью и формуляром невозможна и потому, что дьяк перешел на службу к митрополиту. Отпуск его вины не должен был сопровождаться присягой великому князю и, соответственно, оформлением укрепленной грамоты.

²⁸ ГИМ. Син. собр. № 562. Л. 123.

²⁹ РФА. М., 1986. С. 33; № 3, 19.

³⁰ Там же. № 147.

³¹ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы... Ч. 2. С. 296–298.

³² Плигузов А. И. Комментарии // РФА. Ч. 5. С. 990.